

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 93/94

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-12-49

КАВКАЗ: КАМЕШЕК В ЖЕРНОВАХ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ**Г.М. ДЕРЛУГЬЯН**

*Нью-Йоркский университет Абу-Даби
Почтовый ящик 129188
Абу-Даби, Объединенные Арабские Эмираты
E-mail: GD44@nyu.edu*

Аннотация. Горные хребты, закупорившие перешеек между Каспийским и Черным морями, делают Кавказ отдельным историко-географическим регионом. С эпохи Бронзы здесь сохранялись эндемичные народы, лишь минимально ассимилированные как древними цивилизациями Передней Азии, так и кочевым миром степей Евразии. Отсюда метафора Уильяма МакНила: камешек в жерновах истории. Кавказ участвовал в древних и средневековых миросистемах в основном как полупериферия, поставлявшая в центры мигрантов в виде воинов-наемников, торговцев и ремесленников, а также рабов различного статуса. Современная капиталистическая миросистема привела к трансформации Кавказа еще даже до включения в Российскую империю. Сельхозкультуры индейцев Америки (особенно кукуруза и фасоль) в XVII-XIX вв. произвели на Кавказе демографический взрыв. Одновременно, ружья и пистолеты, вскоре успешно воспроизведенные местными умельцами, изменили баланс сил между конными аристократами и простолюдинами. Успех крестьянских восстаний идеологически консолидировался исламом самого раннего, до-имперского образца. Парадоксально, модернизация Кавказа воспроизвела также коллизии, аналогичные возникновению полиса Древней Греции и Рима. Кукуруза, винтовки и горская демократия сделали присоединение Северного Кавказа самым дорогостоящим из завоеваний Российской империи. Даже массовое выселение горцев в 1860-х с заменой их фермерами-поселенцами и казаками не создало устойчиво капиталистического развития, породив аграрные конфликты, вылившиеся в Гражданскую войну и сталинскую коллективизацию. Этнические конфликты, сегодня приведшие к национальной консолидации карты Кавказа, восходят именно к недооцененным противоречиям ранней модернизации региона.

Ключевые слова: всемирная история; ислам; социокультурная эволюция; альтернативы государственности; трансатлантические обмены; революция огнестрельного оружия; царская Россия.

**THE CAUCASUS: A ROCK IN THE GRINDING WHEELS
OF WORLD HISTORY****G.M. DERLUGUIAN**

*New York University Abu Dhabi
Saadiyat island, P.O. Box 129188
Abu Dhabi, UAE
E-mail: GD44@nyu.edu*

Abstract. The maze of high mountain ridges blocking the isthmus between the Black and Caspian seas renders the Caucasus a separate historical-geographical region. Since Bronze Age, it harbored endemic human populations with their peculiar languages that resisted assimilation from both the agrarian civilizations of Near East and the waves of nomadic invasions sweeping the Eurasian Steppes. Hence William McNeill's metaphor of a 'rock in the grinding wheels of history'. The Caucasus, however, has participated in the succession of ancient and medieval world-systems mostly as semi-periphery sending its inhabitants to the core as mercenaries, traders, or slaves. The modern world-system transformed the Caucasus even before incorporating it. First, new American crops (esp. maize) produced demographic explosion. Next, firearms successfully imitated by local gunsmiths shifted the balance of power from mounted knights to commoners. The spread of militant Islam in its original, pre-imperial forms, paradoxically, was the ideological consequence of early modernization and its social revolution in the North Caucasus. The demise of medieval mounted aristocracy enabled by firearms in the hands of commoners recapitulated in a very different context the armed democratizations of Ancient Greece and Rome. Maize, guns, and mountaineer democracy made the incorporation of the Caucasus by imperial Russia its costliest colonial conquest in material and human terms. The consequences reach into our days through ethno-nationalist conflicts that forcefully homogenized the ethnic map of the region.

Keywords: world history; Islam; sociocultural evolution; non-state alternatives; transatlantic exchanges; gunpowder revolution; imperial Russia.

Данный очерк был призван по возможности кратко ответить на простой вопрос: Что такое Кавказ? Однако сколь-нибудь серьезный ответ на такого рода вопросы, как предупреждал Фазиль Искандер, приобретает тенденцию ветвиться, прорастая в глубины истории и расширяясь географически. Если все-таки постараться ограничить расползание повествования, то работать придется широкими импрессионистскими мазками. При этом целостную композицию в науке должен задавать четкий эскиз, собранный из целых батарей теорий, в окончательном варианте упрятанных в сноски, чему нас учили зачинатель «мега-истории» Уильям Макнил и создатель миросистемного анализа Иммануил Валлерстайн. Первейшим условием было писать так, чтобы текст легко читался, а смысл его считывался любыми интересующимися людьми.

Сходу оговоримся ради специалистов, что здесь не хватит места для историографии наследия классического ориентализма¹ либо оценки недавних работ по «этническим конфликтам» пост-советского периода [Gammer 2006; Bullough 2010; Politkpvskaya 2003]. Отдельной темой остаются литературоведение и культурная антропология Кавказа, бурно развивавшиеся в последние годы [Caucasus Paradigms... 2007; Gould 2016]. Желаящие получить более детальные описания региона могут их найти в прекрасно написанных популярных книгах Нила Ачерсона, Чарльза Кинга и Томаса де Вааля [Ascherson 1995; King 2008; de Waal 2010]. Отдельным достижением высятся «Атлас этнополитической истории Кавказа» Артура Цуциева, которому удалось элегантно экономным образом нанести этно-конструктивистские озарения ирландо-американского политолога Бенедикта Андерсона на размышления

¹ Яркий пример: [Baddeley 1908].

французского географического историка Фернана Броделя о громадной роли ландшафта и природной среды в формировании структур человеческих обществ доиндустриальных эпох [Цуциев 2007]¹. Данный же очерк строится в перспективе сравнительно-исторической социологии, чей основоположник Чарльз Тилли вынес главный аналитический вопрос нашей научной дисциплины в монографическое заглавие бесподобной лаконичности: «Why?» Почему? [Tilly 2006].

Из уже приведенных ярких названий изданных на Западе книг становится видно, что Кавказ там ассоциируется прежде всего с завоеваниями и упорным сопротивлением множества коренных народов на протяжении веков. Однако Кавказ не сводим к «окровавленным землям» где-то на дальней оконечности между Европой и Ближним Востоком. Все гораздо интереснее и нередко даже поразительно гуманнее, как мы вдруг узнаем, например, из небольшого сюжета о спасении в 1942 г. еврейских детей в черкесских селах во время фашистской оккупации². И это тоже наш Кавказ.

Этот компактный регион мира поражает воображение своим культурно-лингвистическим разнообразием, легендарными обычаями и человеческими характерами. Да и не только всей этой бросающейся в глаза экзотикой. На Кавказе мы обнаруживаем отголоски и до сих пор слишком мало исследованные аналогии историческим процессам, впервые разворачивавшимся в колыбелях древних цивилизаций Месопотамии, в демократических полисах Древней Греции, в пустынях Аравии и кочевом мире Великих Степей Евразии. В более близкие к нам эпохи Кавказ играл на удивление заметную роль в формировании политики и культуры России, даже ее кухни и массового юмора. Как же без «лезгинки», шашлыка, супа харчо, тостов или анекдотов, приписывавшихся «Армянскому радио»? В XIX веке Кавказ захватил воображение создателей классической литературы: Пушкин, Лермонтов, Толстой. Перевернувшие мир исторические катаклизмы XX столетия непосредственно затронули Кавказ и вынесли на вершины власти множество ранее неизвестных кавказцев. Конечно, самого Сталина, но и многих, многих других. Распад СССР стал явным и необратимым со взрывами этнических конфликтов вокруг Карабаха, разгона демонстрации в Тбилиси в апреле 1989 г., войн в Абхазии и Чечне. Бурно расцветшая в 1990-х «русская мафия» [Волков 2002] (как скопом выражались западные журналисты, эксперты и полицейские) на самом деле включала в себя значительные кавказские компоненты самого разнообразного социально-этнического происхождения. Так что же такое Кавказ? И, главное, почему Кавказ именно такой?

¹ Расширенный и сверенный перевод «Атласа» Цуциева на английский язык был осуществлен Издательством Йельского университета [Tsutsiev 2014].

² Sufian N. Zhemukhov and William L. Youmans, «Rescue and Jewish-Muslim Relations in the North Caucasus», in: Crispin Brooks and Kiril Federman (eds.) *Beyond The Pale: The Holocaust in the North Caucasus*, Rochester University Press, (forthcoming).

«Гора языков»

Фундаментальный факт географии – взглянем на карту – состоит в том, что Кавказ перегораживает грядой весьма суровых гор перешеек между Каспийским и Черными морями. При этом среди кавказских народов почему-то никогда не было мореходов и даже рыбаков. Причину тому можно разглядеть при более внимательном взгляде на ту же карту. В отличие от гораздо более теплого (а также более соленого и более разнообразного по формам жизни) Средиземноморья с его мириадами архипелагов, полуостровов, проливов и бухт, в Черном море и тем более на Каспии нет ничего подобного. Мореходство на весельно-парусных лодках здесь возможно едва половину года; в прочие месяцы слишком штормит из-за холодных степных ветров. Регулярное мореходство в Черное море принесли из Средиземноморья древние греки, а на Каспий и подавно уже в основном русские, спустившиеся по Волге. Климат и гористый ландшафт надолго заперли народы Кавказа в их тесных долинах и ущельях. Но та же география превратила их обиталища в природные крепости, веками укрытые от внешних завоевателей и миграций более многочисленных народов. У горцев ведь и отбирать было особо нечего. Вероятно еще на исходе Каменного века на Кавказе возник своего рода заповедник автохтонных народов, что сегодня подтверждается новейшими методами сравнительно-исторического языкознания и популяционной генетики [Wang et al. 2019].

Отсюда и парадокс неподатливого камешка между жерновами всемирной истории. С юга регион непосредственно граничит с древнейшими аграрными цивилизациями Анатолии, Месопотамии и Персии. Вавилоняне знали Кавказ как громадную по их меркам гору Арарат на самом краю известного им мира, куда после потопа мог пристать со своим ковчегом даже не Ной, а его куда более древний прообраз Утнапиштим [Finkel 2014]. Древние греки, освоившие проход в Черное море через Босфор, где-то там, на краю их Ойкумены, располагали царство, откуда Ясон и аргонавты добыли не менее мифическое Золотое руно. Для древнейших аграрных цивилизаций Кавказ находился именно что «за горами, за морями».

С севера предгорья Кавказа выходят в степи Евразии, где со времен одомашнивания лошади и изобретения колеса еще на заре Бронзового века, где-то пять тысячелетий назад, складывается кочевой скотоводческий образ жизни. Но горы не представляли хозяйственного интереса для степняков – как и особой угрозы, потому что степняки сами были мощной угрозой в силу своей относительной многочисленности, мобильности и прирожденного владения конно-лучным боем. В течение последующих столетий кочевники регулярно накатывали волнами из более засушливых районов Внутренней Азии, неизменно стремясь на запад, в менее засушливые плодородные степи северного Причерноморья – а также силой поучаствовать в богатствах античной цивилизации [Beckwith 2009].

Наиболее ранними хозяевами Степи были ираноязычные киммерийцы, скифы, сарматы, аланы. От них на Кавказе остался удивительный в своей реликтовой изоляции осетинский язык. Следом накатывались тюркоязычные

гунны, хазары, болгары, половцы. Вероятно, к последним восходят карачаевский, балкарский, кумыкский языки – лингвистически вроде бы продолжение половецкого, хотя говорящие на них люди приобрели вполне кавказскую наружность и быт. Наконец, средневековые монголы, последними из которых уже в XVII веке оказались калмыки, мирно осевшие между нижней Волгой и отрогами Кавказа не столько из буддийского миролюбия, сколько под воздействием ружей в руках черкесов и русских казаков. Теми полу-забытыми боями на дальнем краю Европы завершилась эпоха степных завоеваний [Khodarkovsky 1992]. Как говорится, нашла стрела на пулю.

Почему кочевники степей накатывали волна за волной, не оставляя устойчивых государственно-культурных образований? Тому было минимум две структурные причины, и обе довольно парадоксальные. Кочевой быт, вполне оформившийся еще в первом тысячелетии до нашей эры, слишком быстро достиг своего предела технологического развития, т.е. оказался по-своему совершенным и не позволяющим существенных инноваций [Андерсон 2007]. Сочетание коня-коров-овец, седла-кибитки-юрты, лука-сабли-пики требовали и допускали лишь относительно малые усовершенствования. Политическая организация, в основе которой были родовые объединения в хронически неустойчивом наборе, имела лишь немногим больший потенциал к усложнению и развитию¹. Для контроля над степями и в набегах против оседлых земледельцев данная организация и без того оставалась достаточно действенной и грозной в течение многих веков вплоть до распространения ружей среди противников степняков. Кочевые империи, возникавшие уже под конец своей эпохи, заимствовали государственную организацию и частично регулярную армию от покоренных ими аграрных империй [Osinsky 2019]. Если кочевничество оказалось боковой и в конечном счете тупиковой ветвью социальной эволюции, это вовсе не означает, будто кочевники не оказали громадного влияния на прочие эволюционные ветви. Влияние это оказывается еще больше, чем обычно представляется [Kotkin 2007]. Даже феномен развитого феодализма Запада не удастся объяснить без фактора Степи, вернее, как колоссальную географическую удачу, предотвратившую кочевое завоевание в момент, когда Запад только оформлялся на крайней атлантической оконечности Евразии².

И тут возникает второй парадокс – раз за разом вторгаясь из внутренних регионов Азии в Предкавказье и Северное Причерноморье, кочевники никак не могли закрыть за собой «калитку». Поэтому с востока постоянно приходили все новые волны более голодных и решительных завоевателей, сметавшие и подминавшие тех, кто уже ранее комфортно расположился на наиболее

¹ См. фундаментальное обобщающее исследование: [Кочевые империи... 2019].

² См. публичную лекцию российского медиевиста член-корр. РАН Павла Юрьевича Уварова: Уваров П.Ю. Роскошь феодализма (взгляд из всемирной истории) [Видео файл]. Исторический лекторий центра «Архэ». Москва, 12 июня 2019 // YouTube: сайт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6dOc-Z6nnpk> (дата обращения: 30.06.2019). Также поражающую смелостью размаха и эрудицией книгу австрийского историка из Стэнфорда Вальтера Шайделя: [Scheidel 2019].

призовых участках степей. Неуклонная повторяемость кочевых завоеваний, конечно, составляет знаменитый «закон Ибн Халдуна», подмеченный средневековым арабским политологом еще в XIV в. [Алексеев, Сырейщикова 2009]. Наверняка, у кочевников случались и неудачи, когда вторжения новоприбывших вооруженных мигрантов останавливали на дальних подступах. Но в истории запечатлелись именно успешные вторжения, перекраивавшие этно-политическую карту. Однако Кавказские горы представляли собой от природы неприступную стену, в которой оставалось всего-навсего пара «калиток» – Дарьяльское ущелье («Сарматские ворота» древних авторов) и Дербент, «Закрытые врата», охраняемые постоянными гарнизонами сменявших друг друга аграрных империй начиная с персов-ахеменидов. Самим своим присутствием на физической карте Кавказ сыграл серьезную роль в прикрытии цивилизаций Ближнего Востока от кочевых нашествий.

Забегая вперед, упомянем еще один парадокс. Задумайтесь над вроде бы очевидным фактом, почему Россия такая большая, а русские намного многочисленнее других славянских народов? Положение на геополитическом краю Степи веками оставалось бедой восточных славян, о чем красноречиво свидетельствует этимология слова «рабы» во многих западных языках: slaves, sclavi, от «славяне». Баланс сил стремительно сменился на противоположный с появлением у русских в XVI в. ручного огнестрельного оружия. Теперь уже казаки и стрельцы легко прошли по степям теми же маршрутами былого выдвигания кочевников, но в противоположном направлении. Вскоре Московское царство уже граничило и с Китаем, Бухарой – и с Кавказом. Вскоре огнестрельное оружие произведет подлинную революцию и среди горцев Кавказа, о чем чуть ниже. Средневековый арабский географ Аль-Масуди назвал Кавказ «Горой языков» [Микульский 1998]. В самом деле, на относительно небольшом пространстве здесь встречается удивительное разноязычие, причем большей частью это сугубо местные эндемики и изоляты – тот же осетинский, уходящий корнями в скифско-сарматское прошлое, или кавказские потомки половецких наречий. Разве что калмыцкий, который не успел далеко отойти от монгольской общности, да азербайджанский, стоящий где-то между туркменским и турецким (собственно, как и на карте) имеют очевидных зарубежных родственников, хотя все равно они уже несколько столетий как стали частью кавказского многоголосья. Нахско-дагестанские и адыго-абхазские (черкесские) языки представляют собой эндемичную, нигде более не встречаемую лингвистическую семью, а возможно и две отдельные семьи. Родство здесь такое отдаленное и неочевидное, что вызывает споры среди самых глубинных языковедов. Феерически сложные грамматики и неподражаемая фонетика (в современном абхазском 54 буквы, в большинстве согласные) это просто находка для сравнительного языкознания. Еще одна самостоятельная семья – картвельская – представлена одним грузинским плюс его ближайшими сванскими, мегрельскими и лазскими родственниками. Армянский, конечно, индоевропейский язык, так что «ков» еще довольно явно напоминает русскую «корову» и «говядину» или английское cow, Луна по-армянски все-таки «Лусин», а звезда – «астгхик», сопоставьте с греческой

астрономией. Но вот откуда берутся числительные «мек, ерку, ерек» вместо типичных для индоевропейцев один, два, три/one, two, three? Армянский по всей видимости очень рано выделился из прото-индоевропейской общности и успел в ходе эволюции набрать сам или набраться от кавказских соседей более чем достаточно интересных особенностей.

С религиями на Кавказе все вроде как у остальных народов мира. Но чтобы вот так, всё на более-менее одном пяточке и разом?! С одной стороны – калмыки, буддисты тибето-ламаистского толка. С другой стороны – азербайджанцы, исторически мусульмане-шииты как полноправные представители средневековой персидской цивилизации, но притом со вполне различимым наследием более раннего зороастризма, что пышно проявляется в весенний праздник Новруз (т.е. Новый год, от иранского индоевропейского корня).

Грузины в основной массе православные христиане. Исключение составляют проживающие вокруг Батуми аджарцы, принявшие суннитский ислам в бытность свою подданными турецкого султана. Мусульманство аджарцев представляет неловкую аберрацию для современного грузинского национализма, строящегося на нарративе векового сопротивления иноземному господству и христианской проевропейской идентичности, наглядно явленной на крестоносном национальном флаге, принятом при Михаиле Саакашвили в 2003 г. [Serrano 2018]. Впрочем, аджарский ислам носит преимущественно ритуальный характер, никогда не достигавший уровня религиозной идеологии. Проблема здесь чисто политическая, проявлявшаяся в борьбе Тбилиси и Батуми за назначения в местном госаппарате еще со времен Первой («меньшевистской») грузинской республики 1918-21 гг., латентно сопровождавшая весь советский период и резко обострившаяся с распадом Советского Союза, открытием границы с Турцией и возникновением в Аджарии в 1990-2003 гг. режима личной власти Аслана Абашидзе. С политической революцией 2003 г. в Грузии и резким усилением центральной власти при Саакашвили проблема аджарской идентичности отходит в тень и претерпевает сложную трансформацию, где найдется немало неожиданного для политической антропологии [Pelkmans 2006].

На Кавказе встречается сразу несколько версий иудаизма, притом все довольно экзотичные. Грузинские евреи – вполне грузины по языку и культуре, хотя по вере иудеи. Не путать с горскими евреями, чей разговорный язык восходит к среднеперсидским диалектам. Вдобавок к тому, в XIX в. на Кавказ выслались русские «субботники» – потомки крестьян, восставших против официальной церкви и решивших «вернуться» к Ветхозаветному иудаизму [Субботники 1901]. Все они с 1973 г. начали выезжать в Израиль, и эмиграция ускорилась с распадом СССР.

Упомянем раннесредневековой сюжет с обращением в иудаизм кочевого Хазарского каганата – в основном потому, что эта история, долго считавшаяся легендой с не слишком надежными внешними источниками, недавно получила неожиданное подтверждение с археологической находкой в Швеции серебряных монет образца Арабского халифата, но с двусмысленной надписью

«Муса Расул-аль-Аллах», т.е. Моисей Посланец Божий [Петрухин 2012]¹. Предположительно, потерпев поражение во фронтальном столкновении с арабами где-то на территории Дагестана, хазары отступили в предкавказские степи и непролазную дельту Волги, однако в качестве средства достижения геополитического баланса и цивилизационного престижа избрали иудаизм как древнейшую из религий Книги, равноудаленную от арабского ислама и византийского христианства.

Среди горских народов Северного Кавказа преобладают мусульмане-сунниты. В Дагестане у ислама имеются особенно глубокие и давние корни, восходящие к ранним завоеваниям Арабского халифата. Однако не стоит забывать, что Дербент всегда служил крайним пограничным пунктом между цивилизациями Ближнего Востока с одной стороны и племенным миром гор и степей по другую сторону. О том, насколько исторически недавно и своеобразно распространялся ислам среди горцев, разговор пойдет чуть ниже. Здесь лишь отметим, что множество до-исламских (как и до-христианских) верований сохранилось на Северном Кавказе в качестве пережитков, заслуживших немалое восхищение среди этнографов. В самом деле, кто только в мире не поклонялся в свое время всяческим дубам-колдунам? Некоторые абхазы и грузинские горцы – так и по сей день. Осетинам удается вполне вежливо сочетать ислам с православием, порою даже в одной и той же семье. Показательно, что более прочих христианских вероучителей осетины почитают Св. Георгия, или Уастырджи – всадника с копьём. Даром ли они потомки сарматов с аланами?

У армян, как всегда, все свое и древнейшее – христианство особого армянского толка. И еще вспомним немногочисленных и тем более удивительных удинов. По языку вроде дагестанцы, живут преимущественно среди азербайджанцев, а исповедуют армянскую разновидность христианства. Предположительно, тут сохранились отголоски ситуации в раннесредневековой Кавказской Албании – не путать с балканской Албанией! И без того все так запутано...

Политолог, глядя на такое этно-религиозное разнообразие, первым делом усмотрит здесь барьеры к возникновению единства власти и крупных коллективных идентичностей, соразмерных устойчивой государственности. Образование государственности на Кавказе выглядит более проблематично, чем в прочих регионах мира, давно прошедших имперско-цивилизационную нивелировку. Хотя, заметим, в Скандинавии единого государства также не возникло, несмотря на единство культуры и близкородственные языки. Кавказ своеобразен, но все-таки не уникален.

Политическая фрагментация, многоплеменный «трайбализм» и феодальная раздробленность оставались обычной нормой для Кавказа в течение долгих столетий [Preiser-Kapeller 2019]. Положение не смогли изменить

¹ Петрухин В.Я. Евреи в Хазарии. Проблема обращения хазар [Видео файл]. Центр «Сэфер». Летняя школа по иудаике. 29.05.2012 // YouTube: сайт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8G18imPEqvA> (дата обращения: 12.12.2012).

имперские вторжения ассирийцев, древних персов, греков, римлян, турок. Даже Арабский халифат VII-IX веков, в пору своего подъема сумевший за несколько поколений почти целиком исламизировать Иран и прежде византийские Сирию с Египтом, вынужденно позволил армянским и грузинским князьям гордо пребывать в своем христианстве. Богатой дани от этих задиристых горцев все равно было не дожидаться, поэтому оставалось в лучшем случае добиваться хотя бы отказа от восстаний плюс традиционной поставки наемников в союзнические войска. Не обходилось без своих типично феодальных парадоксов власти. Тбилиси, в раннем средневековье, подобно Дербенту, почти два столетия служивший укрепленным центром исламского эмирата, вернулся в местное христианское состояние после неудачного мятежа тбилисского эмира, на подавление которого халиф багдадский был вынужден отрядить местный грузинский (или грузино-армянский) отряд [Suny 1988]. И так продолжалось столетиями, полными набегов, междоусобиц и смертоносных эпидемий, переносимых из внутренних районов Азии теми же мобильными степняками и их стадами¹.

Бедствия перемежались, если повезет, эпизодическими реставрациями и расцветами местных культур. Однако в ходе нашествий и переселений Средневековья раз за разом изменялась геополитическая и этническая карта как Степи, так и Ближнего Востока. Поэтому Кавказу везло всё меньше на моменты расцвета культур. Сами колыбели древнейших цивилизаций неуклонно приходили в упадок и теряли свое некогда центральное значение. Вероятно, сказывалось постепенное оскудение плодородия земель, слишком долго находившихся в обработке. Как показывают последние исследования палеоклиматологов, изменялся также климат и русла основных рек [White 2011]. Наконец, несомненно должны были сказаться чудовищные и постоянно возвращавшиеся эпидемии чумы, известной в Западной Европе как «Черная смерть» второй половины XIV в. [Хайдаров 2018]. Не оттого ли опустошения, произведенные армиями Тамерлана в самом конце этого столетия всего за нескольких страшных лет, оставили в нашем регионе такой длительный геополитический вакуум и упадок по меньшей мере высоких, если не всех форм прежней культуры? Массовые военные убийства по всей видимости совпали с массовым вымиранием людей от микро-паразитов [Darwin 2007].

Историческая демография Кавказа практически целиком лишена прямых источников и оттого плохо поддается изучению. Тем не менее, косвенно многое указывает на длительное снижение численности населения в позднем Средневековье. Исчезают княжеские элиты, которые некогда заказывали монументальные постройки и предметы искусства, теряются навыки мастерства, все меньше крестьян, чей труд оплачивал моменты процветания в прошлом. Негативная динамика начнет изменяться только в XVIII веке, и это уже будет совсем другая эпоха.

¹ Уильям Макнил, Эпидемии и народы. Пер. Н. Проценко. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021 (готовится к печати).

Наступление эпохи модерна

В XVIII в. Кавказ начинает завоевывать совершенно новая Российская империя, которая впервые приходит с севера, из Европы, а не из Азии. Из классических дворцов и кабинетов Петербурга Кавказ первоначально выглядел не более чем географическим препятствием на пути к колониальным богатствам Персии и Индии, плюс полезным плацдармом для охвата с флангов турок-османов, извечного соперника в разделе византийского наследия [The North Caucasus... 1992]. Для царской России прийти на выручку единоверным грузинам и армянам выглядело не менее логичным продолжением колониальной геополитики и официальной православной идеологии, чем традиционная протекция грекам и славянам на Балканах. Вдобавок, кавказские христиане могли быть легко и с пользой рекрутированы в военные и административные кадры империи. В начале XIX века в центрах кавказского управления возникают живописные, многоязыкие и динамично гибридные очаги нового колониального общества. Прежде всего это Тифлис (Тбилиси), который начинает вскоре соперничать с самой Одессой как равнозначный центр на южных рубежах расширяющейся империи. Характерно, что расцвет обоих городов связан с одним и тем же именем известного англофила и даже либерала графа М.С. Воронцова, которому предоставлялась возможность делать на новоосваиваемых территориях то, что в центре крепостнической России выглядело бы едва возможным – к примеру, позволить богатым еврейским семействам посещать в Одессе оперный театр наряду с русскими и европейскими аристократами [Herlihy 1991]. Еще в XIX в. выходцы из грузинского и армянского дворянства достигают высших постов в Российской империи. Конечно, на ум сходу приходят имена героя войны 1812 г. князя Петра Багратиона и главного министра царя-реформатора Александра II генерала Михаила Лорис-Меликова.

Почему они так быстро добиваются успеха? Отдельной темой здесь стоит обозначить навыки и виды культурного капитала, которые позволяли выходцам с Кавказа добиваться видного положения в громадной России в самых разнообразных контекстах. Это тема будущих сравнительно-социологических исследований, о которых, вероятно, пока мало кто задумывался. В начале XX века точно так же среди российских революционеров возникнет непропорциональная доля грузин, армян, а вскоре также азербайджанцев, осетин, черкесов. Следом в советской армии появятся высшие командиры-кавказцы и немало Героев Советского Союза, чем будут так гордиться их соотечественники на малых родинах. Воры в законе времен СССР и после его распада по очевидным причинам вызывают не такую гордость, однако с социологической точки зрения это тоже успешные самовыдвиженцы в одной из общесоюзных иерархий, пусть и нелегальной. Что же помогало им добиваться столь неординарных успехов?

Полезную гипотезу на специфическом материале мафии подсказывает итальяно-британский социолог Диего Гамбетта, предложивший рассматривать традиционную культуру Сицилии как набор навыков и диспозиций, в новых

условиях оказавшихся очень полезными в создании и поддержании мафиозных кланов [Gambetta 1996]. Эта культура не столько внезаконная, сколько внегосударственная, где из-за отсутствия формальных рынков и государственных структур личный авторитет мужчин строится на таких гендерных ультра-маскулинных качествах, как сила воли и ригоризм в соблюдении норм; умение драться и держать удар; уважение к старшим, верность друзьям и защита младших; красноречие и одновременно сдержанность, плюс, как ни странно, щедрость, показное потребление. Израильские антропологи Джеральд Марс и Йоханан Альтман, еще в конце 1970-х гг. изучавшие по заказу полиции прибывшие в Израиль криминальные группировки грузинских евреев, пришли к парадоксальному выводу о нематериальной мотивации теневой экономики в самой советской Грузии [Mars, Altman 1983]. Заложенные в местной культуре ожидания щедрости и показного потребления успешных мужчин и женщин из их семей требовали материальной подпитки какими угодно средствами. В позднесоветский период это «умение красиво жить» служило оправданием взяточничества и участия в теневых рынках. Более того, уже после распада СССР и с началом этнических войн на Северном Кавказе комплекс горской ультра-маскулинности найдет одно из своих выражений в исламизме и террористическом джихаде как одной из немногих воинских и «абреческих» ролей, доступных рядовым северокавказцам после катастрофической деиндустриализации [The post-Soviet... 2016]. Такова, как представляется, длительная преемственность кавказских культур.

Но вернемся в прошлое. Карьерное продвижение кавказского дворянства достаточно ожидаемо вызывало в свое время серьезное противодействие российского офицерства и чиновничества – откуда взялись эти самозванные «князья» из инородцев, претендующие теперь на высшие строчки в имперской Табели о рангах? Тот же неприятный вопрос относился, по мнению русской иерархии, и к местным христианским священникам – нередко совсем нищим, но гордым. Вопрос «откуда взялись» на самом деле важный, и ответ на него уходит корнями в далекое византийское и даже античное прошлое. Южный Кавказ, как и гористые Македония и Иллирия на Балканах, служил типично полупериферийным регионом-сателлитом, поставляющим имперскому центру в основном наемных воинов. Горцы ценились уже тогда именно за те маскулинные качества и навыки, что упоминались выше. До прихода на Балканы славян, а также арабов и тюрок на Ближний Восток, т.е. более всего до VI-VII веков н. э., хотя во многом и позже, Кавказ «естественным образом» служил одним из основных демографических резервуаров для пополнения служилых элит Византии [Toumanoff 1971]. Со временем это включило в себя и монашество со священничеством, отчего, к примеру, святым покровителем западноевропейского города Маастрихта оказывается армянин. Едва ли стоит в патриотическом порыве пересчитывать армян и грузин среди византийских

императоров и царедворцов¹. Да, их много, но они делались греко-римлянами вероятно не менее быстро, чем их далекие потомки становились обрусевшими кавказцами в XIX и XX веках.

Важнее другое. Регулярные миграции на службу за повышением социального положения задали в Закавказье устойчивое воспроизводство элит феодального типа, продолжавшееся даже спустя века после падения Византии (и ранее, Сасанидского Ирана). Армянские элиты уже в позднем Средневековье были в значительной мере выбиты либо вытеснены в купечество и священничество. От северокавказской Алании в итоге остались почти только легендарные воспоминания. Элиты кавказской Албании тюркизировались и исламизировались вместе с Персией, превращаясь в будущих азербайджанцев. Лучшее других сохранилось в геополитически чуть более защищенном междугорье грузинские (и, вероятно, ставшие грузинскими аланские, армянские, албанские) феодальные элиты, которые и встретили русских одними из первых.

Первые контакты с новой властью шли далеко не гладко и породили среди грузин довольно серьезное сопротивление. Советская историография это отчасти замалчивала, зато постсоветские грузинские историки превратили в высокие проявления национального духа, на сей раз отчасти замалчивая сословную составляющую конфликта. Отношения были урегулированы в 1840-х гг. щедрыми уступками грузинским элитам с прибытием на Кавказ того же графа Воронцова в качестве наместника. Этот особый статус, выбитый себе Воронцовым, давал ему исключительные полномочия и право прямого обращения к царю. Вот почему на возражения чиновников, возмущенных приравниванием грузинских сословий к российским, наместник мог позволить себе знаменитую фразу: «Ежели Государю было угодно водворения на Кавказе закона, то прислал бы «Свод законов Российской империи». Однако он прислал меня» [Rhineland 1990]. Наряду с Польшей, грузинские земли окажутся окраиной царской империи с исключительно высокой долей дворянства на душу населения, порядка 5-6 процентов [Анчабадзе, Волкова 1990]. Как нередко случается в истории, успешное решение в одном поколении создает проблемы в последующих поколениях. В массе своей местное дворянство разорялось перед новыми вызовами сословного потребления на европейский манер, шло на службу либо искало себе современных профессий путем получения высшего образования.²

Трудно не провести от этого причинно-следственную цепочку к возникновению особо многочисленной национальной интеллигенции, а затем и современного революционного движения. Первая в мире страна, где социал-демократы на выборах взяли власть – не Австрия и не Швеция, а

¹ О чем верно и едко предупреждает американский византист Anthony Kaldellis, *Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium*, в главе «The Armenian Fallacy» (Армянское заблуждение) [Kaldellis 2019].

² Социальные коллизии с замечательным юмором показаны в водевиле «Ханума» Авксентия Цагарели (самого вынужденного служить на железной дороге), с громадным успехом поставленном по-русски в 1972 г. выходцем из Тифлиса Георгием Товстоноговым.

«меньшевистская» Грузия 1918 г. [Jones 2005]. Сочетание европейской веры в прогресс, легальный реформизм, и при этом национальной гегемонии, овладевшей в те годы умами крестьянского большинства грузин как раз и обеспечивалось в основном предводительством разорившегося дворянства, перешедшего в национальную интеллигенцию. Более того, какое-то время накануне и в течение 1917 г. грузины преобладали в руководстве меньшевистской фракции всей российской социал-демократии, соперничая в этом с польско-литовскими евреями. Большевики также получили изрядную долю кавказцев в своем руководстве, но то были выходцы из менее статусной интеллигенции, зачастую упорных самоучек крестьянско-ремесленного происхождения, подобно Сталину, Орджоникидзе, Микояну, Нариманову, Лакобе, удивительной судьбы адыгу Мосу Шовгенову и его жене Гошевной, мученически погибших в Гражданской войне. Несомненно, многие и разные кавказцы очень успешно воспользовались включением своего уголка мира в Российскую империю и, более широко, в современную миросистему.

Обычно игнорируется факт в целом удивительно гладкого включения в состав империи прикаспийского края на юго-востоке Кавказа, впоследствии составившего территорию Азербайджана [Swietochowski 1995]. В отличие от длительной череды упорных столкновений с турками-османами, Россия в нескольких кампаниях начала XIX в. быстро разбила кадjarскую Персию и получила себе ряд плодородных, густонаселенных областей со значительным преобладанием мусульман-шиитов, как и в остальном Иране. Приобретенное таким образом многоязыкое население традиционно управлялось персотюркскими ханствами, чьи правящие элиты весьма скоро перенесли свою лояльность с давно ослабевшей Персии на проявившую значительную силу Россию. Религиозные отличия при этом создали минимальные трения и проблемы. Традиционные ханские элиты долгой и сложной историей своего края были приучены к такого рода переменчивости в политической ориентации. Российская империя, со своей стороны, накопила большой опыт в интеграции покоренных мусульманских элит (как выражались советские пропагандисты, «феодално-байских пережитков») [Crews 2009].

Проблемы возникнут в конце XIX в. в связи с грандиозным нефтяным бумом в Баку, который в те годы стремительно превращался во второй по значению в мире регион добычи нового сырья, наряду с США [Ергин 2011]. Иностранные капиталы братьев Нобелей и знаменитых Ротшильдов, как и местные предприниматели вроде легендарного Александра Манташева творили чудеса техники, как и ужасы для экологии и социального неравенства. Первый в мире нефтеналивной танкер «Зороастр» появился в Баку, впервые трубопровод связал Апшеронский полуостров с портом Батуми. Капиталистический бум, да еще на колониальной периферии, плодил равно нуворишеские дворцы и пролетарские трущобы. Недаром Баку превращается в центр революционной активности не только Кавказа, но и всей империи. Сталин и Спандарян завоевывают громкие подпольные репутации именно в Баку.

Однако наряду с классовыми, как всегда на колониальной периферии, росли и национальные противоречия [Suny 1972]. Взрывной рост капитализма породил множество новых возможностей для предпринимательства и социальной мобильности – как и еще больших провалов ожиданий и чувств социальной фрустрации. Конкуренция за позиции и социальные ниши в новой городской среде Баку переворачивала вверх тормашками средневековую ближневосточную иерархию, где местные христиане давно находились на подчиненном положении. В такие моменты истории именно подчиненные группы, которым особенно нечего терять, нередко первыми успевают воспользоваться новыми возможностями. Так случилось с евреями Европы с приходом эпохи модерна, с китайскими мигрантами в Таиланд и Малайю XIX–XX вв., греками в Османской империи и палестинскими беженцами среди арабов наших дней [Слезкин 2019]. Городскому ремесленнику или сыну полунцига, но образованного приходского батюшки зачастую оказывалось легче встроиться в социальные лифты новой эпохи, нежели владельцу традиционного богатства в виде земли, скота, ковров. В Баку и вокруг него разные скорости модернизации различных этнических групп порождают жуткую рознь между быстро урбанизирующимися армянами и преимущественно сельскими мусульманами. Всякий раз, когда власть в Российской империи обрушивается в революциях 1905 и 1917 годов, тлеющая рознь вспыхивает в смертоносных погромах и ожесточенных столкновениях. Иногда верх берут более организованные армяне, во многих случаях – численно их превосходящие азербайджанцы. Советская власть, в чьем интернациональном руководстве были как армяне, так и азербайджанцы, смогла загасить конфликт на несколько поколений. Однако он заново вспыхивает в 1988 г. с очередным ослаблением центральной власти и после 1991 г. выливается уже в настоящую войну между двумя теперь уже независимыми национальными государствами [de Waal 2003]. Это все достаточно известно. Куда реже отмечается то, чего не наблюдается – обе стороны не используют религию в качестве определяющей характеристики себя и противника. Ни армяне, ни азербайджанцы не считают себя воинами веры. Конфликт их сугубо националистический, значит современный, относящийся к категории соперничества за государственные и рыночные ресурсы в рамках мир-системы модерна [Валлерстайн 2015/2016].

Северный Кавказ: современные факторы Газавата

Относительно мирное вхождение земель будущего Азербайджана в состав Российской империи дает нам важный исторический контраст для анализа исламистского сопротивления, развернувшегося на Северном Кавказе в XIX веке и вновь вспыхнувшего в самом конце XX века. Как мы видели на примере Азербайджана, дело тут не в исламе как таковом. Если перейти к широкой историко-сравнительной перспективе, то скорее возникает вопрос, почему те или иные течения ислама в одном историческом контексте приводят к повстанчеству, а в другом не приводят? Начинать анализ очевидно надо с повстанчества, а не его религиозной идеологии.

Здесь нам уже никак не обойтись без соотнесения Кавказа со всемирно-историческими сдвигами эпохи модерна, которые затронули наш уголок мира еще до прихода русских. Будьте готовы к неожиданным влияниям и масштабным историческим аналогиям. Казалось бы, где чеченцы, а где ацтеки и майя? Где Дагестан, а где полисная демократия Древней Греции и Рима? Где адыгские народы, и где аравийские бедуины времен пророка Мухаммеда? Однако позвольте в этом разделе кратко изложить мои гипотезы.

Стереотипные представления о Кавказе и кавказцах как пестром скоплении разноязыких племен и свободолюбивых лихих джигитов в черкесках при газырях и кинжалах, следующих ригористическим обычаям гостеприимства и кровной мести, живущим в «бедных саклях» и пасущих отары овец на склонах неприступных гор, если и имели когда-то прообраз в исторической реальности, то это был все-таки Северный Кавказ. Эта географическая зона, ныне в составе Российской Федерации, протянулась от довольно голых скалистых отрогов Дагестана близ Каспия до лесистых гор кавказского Причерноморья. Если в порядке неизбежно упрощающей иллюстрации армян, грузин и азербайджанцев можно сравнить, соответственно, с греками, поляками и румынами Восточной Европы, то горцы Северного Кавказа выглядят скорее сопоставимо с коренными обитателями Сицилии, Корсики и Сардинии, либо гор Албании и марокканского Атласа. Большое Средиземноморье исторически богато на подобные зоны-убежища безгосударственных племен [Бродель 2002].

По инерции, доставшейся от европейского эволюционизма XIX века, племена считаются чем-то первобытным и примитивным. На самом деле социальные структуры горцев Северного Кавказа были подчас удивительно сложны и едва ли имели отношение к первобытности¹. То были наборы социальных адаптаций к среде, где не могли возникнуть протяженные аграрные империи и административно-торговые города, поскольку не было ни товарных потоков, ни достаточной крестьянской массы для обложения податями. Издавна, вероятно еще с раннего Железного века, в относительной изоляции ущелий Северного Кавказа сложились малые популяции с собственными языками, традиционно управляемые наследственными вождями («князьями») и их дружинами с целыми лестницами сословных рангов. Свободные общинники, однако, составляли большинство населения и пользовались коллективными привилегиями участия в общинных сходках, а также владения землей и оружием, которое могли себе позволить приобрести рядовые крестьяне. Это вполне сопоставимо с сословиями патрициев и плебса в наиболее знакомом нам по письменным источникам раннем республиканском Риме. Аналогичные общинные порядки, судя по более косвенным указаниям, были типичны и для многих кельтских народов древней Европы. Ниже вождей, аристократов и общинников находилось множество зависимых статусных групп, от

¹ См. в интернете теоретически обобщающий труд американских антропологов: Аллен В. Джонсон и Тимоти Эрл, Эволюция человеческих обществ: от добывающей группы к аграрному государству. (В неопубликованной авторской версии, верстка Н.И. Кузнецовой).

крепостных, бессемейных «беглецов» и «сирот» (клиентов в римской иерархии) до домашних рабов и вольноотпущенников. Наряду и побоку от общинной иерархии встречались также категории перманентных «почетных гостей»: как правило укрывавшихся от мести кровников из других племен, проигравших соперничество в своих политиях татарских «султанов», армянских по легендарному происхождению «черкесо-гаев», и т.п.¹ Важно при этом отметить, опять-таки аналогично греко-римской античности, отсутствие профессионального жречества – в отправлении традиционных ритуалов в той или иной мере могли участвовать практически все взрослые члены общества. Как видим, социальные структуры носили раздробленный на локальные сегменты, но при этом сложный иерархический характер.

Ни в коем случае эти общества не были изолированы от остального мира. Они находились на периферии как ранних цивилизаций, так и кочевого мира степей, с которыми регулярно вступали в отношения обмена. Основным «предметом» обмена периферии с центрами древних миросистем служили невольники. Вероятно значительное большинство использовали в качестве рабов на галерах, рудниках и в домохозяйствах, притом свидетельства жестокости рабства порою видны даже археологически, в анализе костных останков². На исламском Востоке в Средние века, однако, «черкесские» невольники (где слово «черкесские» служило товарным брэндом для почти всех кавказцев) широко использовались в элитном потреблении – мальчики становились дворцовой стражей-мамлюками, девочек отправляли в гаремы [Clarence-Smith 2003].

Политическая экономия кавказской работорговли была достаточно проста. Кавказ в целом небогат природными ресурсами. Традиционное земледелие и скотоводство не могло обеспечить воинские элиты крестьянскими рентами в объемах, достаточных для поддержания высокостатусного потребления – прежде всего, приобретения сложного вооружения и боевых коней. Конным воинам оставался простейший выход – захватить в набеге несколько подростков из чужой общины и быстро перепродать их работорговцам в южном Дагестане либо на Черноморском побережье. При этом соотношение рисков с потенциально громадной прибылью было сопоставимо, если не превосходило современную наркоторговлю, которая является опасным, но и выгоднейшим видом нелегального экспорта в сущности продукции растениеводства с мировой периферии.

Подавление кавказской работорговли послужило великолепным предлогом для российского завоевания, в ходе которого крепостническая империя выступала передовой державой наравне и едва не впереди самой Англии. Но в отличие от англичан, над исторической памятью русских довлели века крымских набегов с их ужасом и позором продажи в чужеземные страны.

¹ См., например: [Джимов 1986].

² Дробышевский С. Лекция «Гребцы Боспора – жизнь и смерть на античной галере». Тольятти [Видео файл]. 28.01.2018 // YouTube: сайт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6X4SxoQqiRc&t=332s> (дата обращения: 11.03.2019).

В исторических документах упоминается немало случаев, когда солдаты, матросы и казаки сами подбивали командиров атаковать заподозренных работорговцев либо отказывались выдавать беглых с той стороны линии¹. Это добавляет человеческой сложности кавказским войнам.

Легендарное сочетание широчайшего гостеприимства и бескомпромиссной мстительности, встречаемые среди многих горцев и кочевников мира, на деле выступали двумя сторонами одной и той же медали. Как отмечает американский археолог-теоретик Тимоти Эрл, в безгосударственном обществе жизнь и имущество вождя, как и просто видного человека, обеспечиваются (и то не всегда надежно) двойственной репутацией щедрого надежного друга и непреклонного мстителя [Earle 1997]. Множество такого рода обществ исторически существовало за пределами аграрных империй, в труднодоступных ландшафтах гор, пустынь, лесов. Некоторые сохраняются и по сей день, например, в Афганистане и в горах Юго-восточной Азии, неизменно представляя своей анархичностью, вооруженным и неуловимым характером раздражитель и вызов любым государствам, стремящимся подчинить их себе [Scott 2009]. Однако это не означает утопической «прирожденной» свободы и всеобщего равенства, воображаемых современными анархическими мыслителями и либертарианцами. Закон здесь прост и суров – то, что ты не можешь защитить силой оружия, тебе не принадлежит, будь то даже жизнь и свобода собственной семьи. На сей счет достаточно ознакомиться с историческими сагами скандинавских викингов. Долгое время на Кавказе даже большинству свободных по обычаю общинников было далеко не по средствам эффективное и смертельно эффективное вооружение средневековых всадников. Оставалось скрываться в горных урочищах – как труднодоступных, так и малопродуктивных.

Положение начинает радикально изменяться с проникновением извне двух материальных факторов, в обоих случаях связанных с эпохой модерна. Во-первых, это разнообразные и высокоурожайные сельскохозяйственные растения, впервые одомашненные индейцами Центральной и Южной Америки, попавшие в Европу через испанцев. Дальнейшее распространение новых сельхозкультур слабо документировано. Остается полагаться на этимологию их названий (как, к примеру, итальянское «помodoro» – «золотое яблоко»), и здесь предстоит немало работы для лингвистов-кавказоведов. Чего стоит этимология слов для обозначения кукурузы в различных языках! Сегодня трудно себе представить «традиционное» кавказское застолье без влияний майя, ацтеков и инков: фасоли, красного перца, помидоров, кабачков, подсолнечного масла, картофеля, кукурузы, не говоря уже о мясистой птице с характерными названиями «индо-утка» и «индейка», и, наверное, также табачного дыма под конец.

Кукуруза оказала громадное влияние на численность и расселение народов как в гористом южном Китае, так и в африканской саванне [Global economic... 2019]. Ближе к Кавказу, на Балканах, засухоустойчивая и

¹ Более всего, однако, памятен рассказ К.М. Станюковича «Максимка» [Станюкович 1982].

урожайная кукуруза позволила основать новые села выше в горах, где местное население прежде никогда бы не могло прокормиться пшеницей, ячменем и просом. Именно удаленные «кукурузные» села укрывали от турецких властей повстанцев-гайдуков, а в ходе Второй мировой войны партизан-коммунистов¹. Нечто похожее должно было происходить на Кавказе, что можно попытаться восстановить по историческим и археологическим источникам, если только поискать последствия кукурузы. Если гипотеза верна, то с начала XVIII в., обнаружится мощный демографический рост, выталкивающий коренные народы на освоение плодородных предгорий. Это неизбежно сопровождалось поземельными конфликтами и спорами по поводу давних прав и привилегий прежних владельцев. Адыгейский историк Буб Мосович Джимов приводил примеры из устной традиции, когда общинники отказывались платить князьям дань с кукурузы, поскольку по обычаю платили только с проса².

Здесь вступает в действие второе новшество – ружья и пистолеты³. Следом появятся знаменитые черкески с нагрудными газырями (готовыми ружейными зарядами), а также приспособленные именно под огнестрельное оружие облегченные шашки – кавказская импровизация, удачно заменяющая европейский штык в рукопашной после выстрела. Ружья находились в руках по крайней мере некоторых черкесских воинов еще в 1630-х гг. при отражении последнего из великих монгольских нашествий – калмыцкой орды. Те ранние ружья (фитильные аркебузы или пищали) доставлялись вероятно от турок через Крым. Однако уже в следующем XVIII столетии местные мастера Дагестана и Тифлиса научились изготавливать ружья и пистолеты отменного качества и в возрастающих количествах, хотя металлы оставались привозными [Аствацатурян 1996]. (Как пример мир-экономических связей, на Кавказе оказалось в переработке множество гусарских сабель, списанных армией Австрии после Семилетней войны 1756-1763 гг.) Важно отметить, что секрет знаменитой меткости кавказских выстрелов имел технологические предпосылки. Стволы сваривались из сабельных полотен, перевитых на стальном стрежне. Получаемая таким образом нарезка ствола фактически делала его охотничьей винтовкой, а не армейским гладкоствольным мушкетом. В отличие от регулярных армий, компенсировавших невысокую точность мушкетов массой залпового огня, кавказцы привнесли в свою тактику охотничьи навыки скрадывания и единичного, зато меткого выстрела как правило из-за дерева или камня, после чего оставалось либо отойти для существенно более длительной, в сравнении с гладкоствольным мушкетом, перезарядки своих винтовок, либо бросаться в бой с шашкой и кинжалом.

Согласно известной поговорке американского Дикого Запада, «полковник Кольт сделал людей равными». Это как нигде применимо к Кавказу в течение кровавого и славного столетия между серединой XVIII и XIX вв. Массовое

¹ Наблюдения Уильяма МакНила, под конец Второй мировой войны переброшенного на Балканы в качестве американского разведчика для связи с партизанами. (Личное сообщение, Чикаго, ноябрь 1999).

² Личное сообщение (Майкоп, март 1989 г.).

³ См. классическую обобщающую работу: [МакНил 2008].

производство огнестрельного оружия кавказскими мастерами привело к снижению цен до скромного уровня достатка пастухов и крестьян. Дорогая кольчуга и быстрый конь более не спасали аристократов¹. Последствия для социальной иерархии оказались громадны. Фактически, на Северном Кавказе прокатилась волна крестьянских восстаний, во многих случаях увенчавшихся успехом и приведшим к революционным политическим и идеологическим последствиям.

Возможно, покажется странным уклончивое нежелание советских историков-кавказоведов признать революцией драматические события того периода, которыми народы Северного Кавказа могли бы гордиться. Причиной было вынужденное стремление советских историков подвергать свой материал под единую эволюционную схему общественно-экономических формаций, освященную именами Маркса, Энгельса и самого Сталина. Отсюда бесконечные внутренние дебаты по поводу неуклюжих словосочетаний «горский» или «кочевой» феодализм. Но если концепцию феодализма приходится приспособлять к неподатливому историческому материалу введением особых прилагательных, то работает ли сама теоретическая схема? Как же быть, если средневековый строй Северного Кавказа не очень похож на «классический» феодализм Франции и даже Киевской Руси? Тем более, если на смену ему приходит общинная демократия, которую по лекалам советской идеологии следовало считать пережитком первобытности? Местные советские кавказоведы, будучи патриотами своих народов, не желали выставить их слишком архаичными. Отсюда же натянутые и туманные предположения о наличии в регионе древних городов и государств.

Выход из теоретического тупика одним из первых предложил дагестанский историк М.А. Агларов, разглядевший совсем иную аналогию во всемирной истории – со становлением античного полиса [Агларов 1988]. Теперь возмущенные сомнения высказывали видные кавказоведы Тбилиси, Москвы и Ленинграда: что общего у дагестанских аулов и их имамов с афинской демократией Клисфена и Перикла?! Однако такой взгляд исходит из традиционно восхищенной переоценки урбанизма и интеллектуального наследия Древней Греции. Афины были важным исключением, правилом же служат скорее вполне сельские общины остальной Эллады и тем более раннего Рима. Здесь скорее работают теоретические модели других классиков, прежде всего Макса Вебера и Уильяма МакНила, указывавших на коренную важность типов вооружения и организации войска для общественного строя [Вебер 2011; МакНил 2004]. Архаичный мир Одиссея, Агамемнона и других героев эпоса Гомера строится вокруг укрепленных цитаделей местных царей, владеющих исключительно дорогими видами бронзового вооружения и колесницами [Finley 2002 (1954)]. Дороговизна вооружения эпохи Бронзы дает неоспоримое преимущество знати. Наступление же в Средиземноморье эпохи железа дало в

¹ О столкновении крестьянской пули с благородной кольчугой сохранились свидетельства в кабардинских сказаниях о восстании Дамалея сер. XVIII в. Личное сообщение Барасби Бгажнокова (Нальчик, август 2004 г.).

руки крестьянам-общинникам не только более эффективные железные орудия труда, но и существенно удешевило оружие. Римский легионер шел в бой с фанерным щитом, копьем и довольно примитивным мечом-гладиусом. Сила республиканского Рима заключалась в гражданской дисциплине и поражающей воображение способности нести порою громадные потери, восполняемые все новыми призывниками [Scheidel 2019; Шайдель 2019]. Римляне могли проигрывать битвы, зато неизменно побеждали в войнах.

Один в поле в самом деле не воин. С распространением на Кавказе огнестрельного оружия возникла острая необходимость в новом идеологическом и социальном оформлении общинной и тем более межобщинной солидарности, возведенной до уровня непререкаемого морального императива [Лапин 2008]. Ради чего и заодно с кем люди идут в смертельный бой? Дагестанцы, вайнахи, адыги обнаружили в исламе не только духовное воодушевление, но и рабочую схему преодоления племенной раздробленности и создания воюющей государственности¹. Попробуем в очередной раз заметить вполне очевидное. Ислам единственным среди мировых религий возник на племенной периферии за пределами аграрных империй. Его основоположником был середняк-общинник, возделывавший участок финиковых деревьев, державший немного скота и иногда подрабатывавший караванной «челночной» торговлей [Большаков 2000]. Проповедь Мухаммеда пришлась на эпоху затяжных войн между Византией и Сасанидский Ираном, опустошивших и обескровивших обе империи. Хотя пустынная Аравия не была в них непосредственно вовлечена, по многим признакам этот регион был также отброшен в хаос эпидемиями и катастрофическими колебаниями климата [Коротаев и др. 2007]. Обострению племенной междоусобицы, набегов и кровной мести новый пророк противопоставил всеобщий Божественный закон шариата, требование этического поведения во имя спасения души, плюс жесткую регламентацию коллективного поведения общины уверовавших. В отличие от Будды и тем более Христа, Мухаммеду и в еще большей степени его наследникам-халифам постоянно приходилось решать политические и военные вопросы [Cook 2015 (1994)]. Многие в ритуальных требованиях ислама (пятикратная молитва по часам, отказ от спиртного, решение споров авторитетными кадиями, раздел добычи с учетом нужд общины и бедных, даже побитие камнями как высшая мера коллективного наказания) логично соответствует распорядку внутри подвижной партизанской армии равных. Все это очень пригодится лидерам народного ислама на Северном Кавказе в период подрыва аристократической власти и сопротивления Российской империи.

Ислам охватывает Северный Кавказ исторически недавно, глубоко проникая в массы лишь в XVIII в. Дотоле, как и на многих удаленных окраинах ойкумены, ислам оставался делом скорее княжеским, необходимым и приличествующим во внешних сношениях с империями Ближнего Востока. Простой народ мог еще долго придерживаться традиционных местных

¹ Ценнейший источник: [ал-Карахи 1941].

верований и ритуалов [Zelkina 2000]. И вдруг взрывообразное обращение к мировой религии, причем с упором на ее учение о социальной справедливости и преодолении традиционных адатов отдельных племен единым законом шариата. Трудно не соотнести это духовное явление с распространением ружей среди общинников и вспыхнувшей борьбой за свои права. Формируется и активно растет социальная сеть суфийских проповедников с центром в Дагестане. Большинство из них простого происхождения, порою даже вольноотпущенники, получившие свободу за образцовую религиозность. Селения начинают соперничать за привлечение особо харизматичных и образованных наставников – как некогда греческие полисы стремились ради престижа и воспитания молодежи привлечь видных философов, а в совсем другую эпоху пуританские общины Англии и ее американских колоний приглашали проповедников из Оксфорда либо Гарварда. Здесь я пересказываю известное специалистам и всем интересующимся кавказской историей, однако постараемся пересобрать заново элементы большой картины.

Народный кавказский ислам радикально отличался от официальной имперской религии Османов или Сефевидов своим упором на социальное равенство, отсутствием иерархии и апелляцией к ранним прецедентам времен Мухаммеда, действовавшего в аналогичном контексте племенного общества, восставшего против языческих царей и иноверных империй. В этом кавказские исламисты XVIII и XIX века не уникальны. Напротив, они полноправная часть происходившего в ту пору исторического сдвига исламской военно-религиозной активности из имперских центров Индии, Персии и Османской империи, терпящих унижительные поражения от наступающих колониальных держав Запада. На передний край сопротивления выходит исламская периферия вольных племен. Именно это наблюдается в Алжире в восстании Абдель Кадера, в Санусситском повстанчестве Ливии, в махдизме Судана, в джихадах Западной Африки и Сомали, в суфийских движениях Индии, Афганистана, Бенгалии и островов Юго-Восточной Азии, и, прежде всего, в религиозном фундаментализме Мухаммеда ибн Абд аль Ваххаба в самой Аравии. Во многом, это напоминает средневековые народные ереси христианской Европы, однако аналогичные протестные движения в более конфедеративном суннитском исламе не считались отступничеством от канонической церкви за отсутствием таковой [Tuğal 2017]. Отметим на будущее едва ли случайное совпадение географии исламистских движений XIX века и наших дней.

Вот в этот клокочущий котел и вступает Российская империя в своем продвижении через Кавказ в Азию [Hopkirk 1992]. Классовый инстинкт русского генералитета (самых, конечно, дворян) возмущала даже не столько исламская пылкость горцев. С мусульманами русские давно свыклись и готовы были их включить в состав империи, подобно происходившему в то же самое время на землях Азербайджана. Однако в Дагестане, Чечне и Черкессии царский генералитет столкнулся с тем, что им слишком напоминало собственную пугачевщину. Если почитать под этим углом зрения документы тех лет, изумляет, насколько часто к русскому командованию обращаются горские князья с «союзническими» просьбами отрядить солдат с пушками для

внушения взбунтовавшимся селениям «должного почтения» к начальству. С подобных карательных рейдов и начиналась Кавказская война, в итоге оказавшаяся самой длительной военной кампанией в истории Российской империи и политически сопоставимой только с усилиями по подавлению польских восстаний [Гордин 2012].

Не стоит недоучитывать громадный соблазн, который с точки зрения горских воинов представляла прибывшая к ним регулярная армия с ее зачастую неуклюжими крепостными рекрутами, со множеством сабель, боеприпасов, лошадей и прочих трофеев [Гордин 2000]. Трактаты по политической философии, делающие упор на гражданских ценностях древних демократий, нередко упускают, что греко-римский полис, ватаги викингов, торговоремесленные городские коммуны развитого Средневековья все были по сути кооперативами вооруженных собственников по взаимной обороне. И все они при случае с готовностью использовали оружие для захвата добычи и пленников. Так завоевания Александра Македонского выросли из древнегреческой демократии, а Римская империя возникла из республики [Андерсон 2007]. Имамат Шамиля за четверть века своего напряженного существования проделал во-многом аналогичную эволюцию, приведшую в выделению элиты профессиональных воинов со своими интересами к стяжанию трофеев и престижа¹.

Следует, конечно, учитывать, что Кавказская война (как и польские восстания) происходила в мировом контексте длительного соперничества Российской империи с Великобританией, индустриальной и колониальной державой-гегемоном XIX века². Для советских историков это составляло особый камень преткновения. Однако не следует преувеличивать эффективность британского фактора, тем более излишне яркую роль британских и прочих искателей приключений, вроде Дэвида Уркварта, в возрасте 21 года претендовавшего возглавить сопротивление Черкессии под флагом собственного изобретения (ныне официальный флаг Республики Адыгея) и впоследствии прославившегося в основном популярными книгами [Ascherson 1995]. Имам Шамиль всегда оставался хозяином самому себе и проницательным политиком, чему главным свидетельством его фактический нейтралитет в Крымской войне.

Здесь мы вступаем на политическое «минное поле» уже наших дней, возникшее с возобновлением исламистских движений и острого соперничества России с Турцией и странами Запада. Фигура имама Шамиля кажется противоречивой лишь в ретроспективе изменчивых политических идеологий наших дней, которые не учитывают сложной динамики той эпохи [Ливен А. 2019]. Основной парадокс завершения Кавказской войны заключается именно в

¹ Эту гипотезу выдвинул еще в 1930-х, но не смог опубликовать при жизни, советский кавказовед Н.И. Покровский: [Покровский 2000].

² Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней [Ливен Д. 2007]. Монография серьезного британского историка в оригинале носила менее провокационное название *Russian Empire and Its Rivals* (Yale University Press, 2002) – «Российская империя и ее соперники».

успехе усилий Шамиля по созданию военно-государственных структур теократии и ее правящей элиты.

Если генерал Ермолов в 1820-х не находил среди горских общин «договороспособных» с его точки зрения предводителей, наместник Воронцов в 1840-х только создавал своими «ласково» цивилизующими мерами из туземного дворянства партнеров по управлению Кавказом, то у князя Барятинского в конце 1850-х в сравнении с предшественниками было два громадных новых преимущества. Прежде всего, численно выросшая армия, при этом качественно перевооружавшаяся после Крымской войны, в том числе при личном содействии американского оружейника Сэма Кольта [Bradley 1990]. Кавказские умельцы могли вручную изготавливать однозарядные ружья, но не многозарядные пистолеты и винтовки системы бельгийцев Бердана и братьев Наган, а тем более горные пушки, требовавшие индустриальной металлообработки. Это коренное изменение в балансе сил обычно упускают историки и публицисты, расплывчато ссылающиеся на усталость горцев после стольких лет войны. Очевидно Шамиль, отнюдь не только религиозный мистик, знал и понимал достаточно, чтобы реалистично оценивать как международную обстановку, так и резко ухудшившиеся перспективы продолжения вооруженной борьбы. Он капитулировал в момент, когда еще мог добиться почетных условий для себя и своих подчиненных, многие из которых, по крайней мере в Дагестане, перешли на русскую службу фактически с сохранением должностей.

Иначе обстояли дела в Чечне и тем более в Причерноморской Черкесии, в удалении от центров имамата, где влияние Шамиля было в лучшем случае опосредованным. Там победа русского оружия произвела эсхатологическую панику на грани ожидания конца света, насильственного обращения в христианство и депортации в Сибирь. Русское командование не могло или не особо желало предотвратить панику, вероятно решив, что исход нелояльных горцев в Турцию облегчит управление новоприобретенными территориями. Оценочно, в начале 1860-х гг. на Черноморское побережье устремилось до миллиона беженцев-мухаджиров (арабское слово, восходящее к хиджре пророка Мухаммеда и его первых последователей, вынужденных временно покинуть Мекку). Сколь-нибудь надежных подсчетов вести не могло, и некому было подсчитывать людские потери от болезней и крушений перегруженных лодок, на которых мухаджиры переправлялись в турецкие земли через нередко штормовое море. Те переселенцы конца Кавказской войны положили начало черкесской диаспоре, по разным оценкам насчитывающей сегодня от двух до пяти миллионов человек, разбросанных по Балканам, Сирии, Иордании и в основном Турции.

В наши дни радикальная часть черкесских активистов требует признания тех трагических событий геноцидом¹. Это означает перенос в прошлое правовой категории, описывающей организованные массовые убийства по этническому признаку, ставшие организационно осуществимыми в период двух

¹ В западной литературе прямые обвинения сформулированы английским журналистом и американским публицистом-любителем [Bullough 2010; Richmond 2013].

мировых войн XX века. Систематическая реконструкция событий и мотиваций середины XIX в. остается задачей для профессиональных историков. Тем не менее, общая картина выглядит достаточно знакомой при соотнесении с мировой перспективой. Крупнейший британский социолог Майкл Манн в исследовании «этнических чисток» всех времен относит выселение горцев Северного Кавказа к категории колониальных кампаний тотального подавления коренных народов, подобно изгнанию в резервации индейцев США либо народности Гереро в германской Юго-западной Африке (Намибии) [Манн 2016]¹. Подчеркну, что эту оценку никак не опровергает факт участия черкесских полувоенных отрядов в геноцидах последних лет Османской империи, направленных против христианских меньшинств армян, греков и ассирийцев [Reynolds 2011]. В эпохи крушения империй жертвы и убийцы могут меняться местами, что множит страдания, но ничего не меняет в наших оценках.

Крушение империй

Современные дискуссии о колониальном характере российского завоевания Кавказа, если преодолеть эмоционально-политическую нагрузку терминов, получают довольно простое разрешение. Российская империя была настолько же способна преследовать колониальные коммерческие цели, насколько ее абсолютистская организация позволяла развитие капитализма. Очевидно, соотношение менялось со временем. Персидский поход Петра I стремился к достижению выгод от неравноправной торговли с Востоком целиком в подражание голландским образцам. Столетием спустя, проект торговой «Кавказской компании» Грибоедова оставался либеральной утопией передового англофила, пытавшегося реформировать империю с окраин [Эйдельман 1990]. Однако среди модернизационных реформ 1860-70-х гг. становится более реальным колониализм по образцам Англии и Франции, которые изучались русским командованием на Кавказе. В отсутствие очевидной сырьевой монокультуры (подобно хлопку для Туркестана) и до развития нефтепромыслов Баку и Грозного ближе к концу XIX в., переселенческое фермерство выступало основной формой колонизации Кавказа. Ориентированное на рынок коммерческое фермерство, как, например, выращивание зерна, чая и табака, было призвано покрыть казенные расходы на управление, оборону, развитие образования и транспорта. Другое дело, что эта цель так и осталась недостижимой для царского правительства несмотря на массовое переселение русских (в том числе принудительное, как в случае молокан и духоборов), прием беженцев (в основном армян и греков) и, позднее, широкое привлечение более «европейских» немцев, поляков, молдаван, эстонцев. В целом, Кавказ оставался убыточной колонией.

Впрочем, не все выгоды государства измеряемы деньгами. Крупнейшей группой поселенцев на Северном Кавказе становятся казаки, обязанные платить за царскую щедрость военной службой. В наши дни, как и в прошлом, эта

¹ См. особенно с. 202-205.

особая категория поселенцев-колонистов окутана романтической мифологией. Исторические энтузиасты казачества относят его возникновение едва не к археологическим свидетельствам материальной культуры славянских типов в степях домонгольского периода. Это распространенная тенденция к безоглядному удревнению предков. Казачество становится возможным лишь с середины XVI в. с распространением все того же ручного огнестрельного оружия, давшего возможность противостоять кочевой коннице [McNeill 1964]. Аналогичные группы вооруженных простолюдинов, ушедших в вольное пограничье, возникают примерно в те же времена на расширяющихся внешних пределах европейской экспансии, хотя самым ранним прототипом несомненно послужили восставшие чешские крестьяне-табориты 1410-1420-х гг. во главе с Яном Жижкой, выдающимся народным полководцем, изобретшим тактику противостояния кавалерии посредством огненного боя и подвижных боевых повозок (табора) [Мацек 1954]. К той же категории можно отнести балканское гайдучество, австрийских пограничников-грэнцеров, бразильских бандейрантес, южно-африканских буров, создавших республики Оранжевая и Трансвааль. Недаром Лев Толстой, восхищенный бурами, называл их «Заваальским казачеством» [Давидсон, Филатова 2010].

История казачества во многом отражает историю становления современной государственности в России. Европейские монархии раннего Нового времени в своих бесконечных войнах стремились использовать в качестве наемников различные негосударственные формирования (на Западе известные как морские и сухопутные приватиры). Но с завершением военных кампаний заканчивалось и финансирование такого рода союзников, которые нередко переходили к самостоятельным набегам либо, в виде вооруженной забастовки, поднимали порою мощные восстания, в которые могли вливаться и крестьянские повстанцы [Khodarkovsky 1994]. То, что советская историография, следуя Ф. Энгельсу, называла крестьянскими войнами на деле были именно казачье-крестьянскими восстаниями под предводительством Болотникова, Разина, Пугачева. В последнем случае правительство Екатерины II нашло в регулярной армии достаточную силу для жесткого и глубокого реформирования казачества, превращенного в особое сословие фактически государственных крестьян, однако же подчиненных военному ведомству через назначаемых кадровых офицеров-дворян [Kollmann 2017]. Основной повинностью данного сословия была военная служба на окраинах расширяющейся империи, где казакам и переводимым в казачье сословие крестьянам выделялись земли для освоения – с позиций самодержавия екатерининского образца, весьма удачное организационное решение.

Большинство некогда удачных решений со временем накапливают собственные противоречия. Казачья публицистика, возникающая на рубеже XIX-XX вв. с распространением грамотности и газет, сегодня может нас удивить постоянными жалобами на хозяйственное «оскудение» и падение престижа службы. Это очевидно связано с использованием казачьих подразделений для подавления стачек и прочих протестных выступлений, что низводило сословие военных героев до полицейских и карательных функций.

Особенно трагично это проявляется в годы Гражданской войны, когда белогвардейское командование постоянно пеняло казакам на их нежелание воевать за пределами казачьих областей якобы из недостатка «патриотической гражданственности». Причины, которым практически не уделено внимания историков, на деле могли быть ровно противоположными. Кубанский мемуарист-эмигрант приводит показательный обмен репликами во время парада в Екатеринодаре летом 1918 г. На возглас деникинского офицера «Кзаки-молодцы!» казачий атаман пробурчал: «Триста лет как молодцы. Хорошо бы стать и гражданами» [Скобцов 1962]. Как известно, контрразведка генерала А. Деникина сочла необходимым подавить казачий автономизм вплоть до убийств его лидеров.

Еще более мощным источником казачьего недовольства служила, как ни парадоксально, нехватка земельных угодий. Причина кроется в демографической динамике предреволюционных десятилетий бурного развития фермерского капитализма на Северном Кавказе. О размахе можно судить всего по двум цифрам. В 1864 г. при переводе на мирное положение Кубанской войсковой области ее население оценивалось в 150 тыс., а к 1913 г. достигало уже полутора миллиона человек – десятикратный прирост за полвека! Значительную часть прироста составляли «иногородние» мигранты, в массе своей безземельные крестьяне-арендаторы, устремившиеся на Кавказ после отмены крепостного права [Ратушняк 1989]. Соперничество за земли и рыночные возможности вылилось, как выразился в своем духе местный большевистский комментатор, в «дичайшую классовую борьбу» [Ладоха 1923]. Как видим, и «американский», фермерский путь развития капитализма в контексте сословных привилегий старого режима оказался чреват ненавистью и насильственным взрывом. Во-многом это и позволило большевикам победить в Гражданской войне, непосредственно выросшей из массового индустриального насилия Первой мировой [Holquist 2002]. Эта часть истории Кавказа остается как актуальной, так и весьма слабо проясненной.

Более того, сословные и в основе своей земельные конфликты на Кавказе как правило приобретали этническую составляющую. После десятилетий советской модернизации аграрная основа конфликтов обычно забыта либо становится малопонятной, но от тех лет в коллективной памяти сохраняются стереотипы этнического противостояния. Приведу в порядке иллюстрации лишь одну из множества подобных историй, почерпнутую из давно опубликованных документов [Документы и материалы... 1955]. Некий князь, щедро тративший с друзьями время и деньги в духанах городка Гори, в конце 1905 г. отправляется в свое некогда родовое село собрать долги с крестьян, плативших еще его предкам со времен отмены крепостного права полвеком ранее. Крестьяне дерзко отказываются платить, ссылаясь на революцию, охватившую империю. Взбешенный князь ногой ударил пожилую женщину, после чего ему на голову накинута бурка и поколотили. В горийском управлении полиции князю отказывают в помощи по причине Русско-японской войны и той же революции. Князь тогда вооружается сам и со своими друзьями отправляется поквитаться в оскорбившее его село, что на сей раз оборачивается

перестрелкой с жертвами. Лишь два года спустя жандармам удается схватить кого-то из крестьян и отправить на каторгу, откуда те в 1917 г. возвращаются (удивительно ли?) убежденными большевиками. Теперь раскроем этнический фон конфликта – крестьяне были осетинами, в то время как князь, конечно, грузин. Конфликт разгорится вскоре с куда большей силой, на сей раз между осетинскими партизанами и войсками меньшевистской (т.е. социал-демократической!) Грузии, официально стремившейся провести прогрессивную аграрную реформу [Квинитадзе 1985].

Жестокость Гражданской войны до сих пор не нашла полного научного объяснения. Потрясает количество жертв: январь 1918 г., на станции Шамхор азербайджанские ополченцы убивают до 10 тыс. солдат бывшей императорской армии в попытках завладеть их оружием; в марте того же года отряды Бакинской коммуны и армянские дружины в ходе зачистки мусульманских пригородов убивают от трех до десяти тысяч человек; в то же самое время «красные» отряды Екатеринодара подвергают артиллерийским обстрелам адыгейские аулы в попытке отобрать оружие у «контрреволюционных азиатов»; несколько месяцев спустя белогвардейские формирования генерала Деникина, взявшие Майкоп, в первые же дни казнят до восьми тысяч пленных [Kazemzadeh 1951].

Несомненно, эта тема остается актуальной, но не ради вынесения приговоров задним числом или сведения счетов. Именно из личного и организационного опыта Гражданской войны, когда даже периферийные стычки зачастую перерастали в погромы и резню с многотысячными жертвами, формируются кадры и структуры советского государства сталинского образца. Там же – но едва ли глубже в истории – находятся подлинные корни межнациональных конфликтов, которые вновь разгорятся после крушения СССР в 1991 г. [Suny 1993]. В конечном счете, однако, большевики приносят на Кавказ не просто террор ради власти и победы над своими многочисленными «классовыми» врагами. СССР стал едва не первой в истории диктатурой ускоренного развития, чьи успехи несомненны – как несомненна и необходимость их тщательной критичной переоценки. В мире XXI века, полном этнических и расовых столкновений, сохраняется также и актуальность исследования во-многом уникального модернизационного эксперимента по подтягиванию и встраиванию многочисленных наций в атомно-космическую сверхдержаву [Martin 2001]. Кавказоведению предстоит заново осваивать громадные пласты истории.

Заключение: К актуальной программе кавказоведения

За пределами данного очерка остаются советская военно-индустриальная модернизация и последовавший за ее крахом период интенсивной, остро конфликтной национализации государственных образований Кавказа¹. Это самостоятельные громадные темы, к научному изучению которых нам неизбежно придется возвращаться раз за разом.

¹ См. [Дерлугьян 2010], а также статьи: [Дерлугьян 2016; Дерлугьян 2017].

Научное изучение Кавказа, несомненно в систематическом соотношении с другими регионами мира, далеко не исчерпывается политической злободневностью. Нам достался поразительно много- и своеобразный полигон для исследования языков, этнических культур и религий, миграций и условий сохранения автохтонности. Главной задачей данного очерка было указать направления для дальнейшего поиска, который начинается со способности замечать с удивлением вроде бы обыденное либо известное и многократно описанное.

Однако остается еще нечто важное, что профессиональные ученые оставляют обычно за скобками, во многом из справедливого опасения быть втянутыми в различные «войны памяти» [Политика памяти... 2020; Шнирельман 2003]. Многие кавказоведы также сами кавказцы, которым не к лицу притворяться беспристрастными внешними наблюдателями. Честнее и эффективнее в плане эпистемологии науки подвергнуть себя и свои занятия критической рефлексии, отвечая, например, на вопросы, почему и для кого мы занимаемся той или иной проблематикой. В этой области основные достижения принадлежат сегодня постмодернистскому литературоведению, чей образный, философско-насыщенный язык, тем не менее, не стоит воспринимать непреодолимым [Тлостанова 2020]. Позвольте и мне такую попытку с привнесением личного опыта.

Когда в середине 1990-х я был принят на работу доцентом одного из американских университетов, среди множества формуляров для заполнения оказался вопросник медицинской страховки, просивший по возможности перечислить причины смертей моих старших родственников в XX веке. Впервые пришло осознание, что в прошедшем столетии от старости как таковой не умер почти никто из мужчин со стороны моего отца, потомков армянских беженцев из оставшегося в Турции города Артвина, так и в семье моей мамы, кубанской казачки. Революция, голод, выселение, коллективизация, репрессии, оккупация, плен, павшие в боях... А вот вдовы жили очень долго, воспитывая нас, хотя почти никогда не вспоминали ничего из происходившего с ними с 1914 по 1945 годы.

Впрочем, одну историю мне все-таки удалось реконструировать из обрывочных воспоминаний бабушек. Преподобный Тер-Карапет Дерлугьян, дядя моего деда, служил в Артвине церковным вардапетом (архимандритом). Почитаем он был как за мудрость и немалую личную храбрость, проявленную в спасении артвинских беженцев в Первой мировой войне, так и за европейскую образованность, приобретенную в армянской семинарии в Венеции и университетах Болоньи и Вены. Живя по сути в глуши, высоко в горах над Батуми, вардапет Дерлугьян читал много книг и с удовольствием принимал у себя начитанных людей. Среди них многие были революционерами, скрывавшимися и от турецкой, и от русской полиции. Один из таких гостей позднее называл себя Сталин. В 1920-х, уже в Краснодаре, когда местный ревком закрыл было армянскую церковь, вардапет отправился в Москву и привез фотографию, изображавшего его мирно сидящим на садовой скамейке рядом с самим Вождем. Церковь и национальная школа тогда устояли, однако

их все-таки закрыли уже в 1937 г. На сей раз поехавший в Москву вардапет оказался в уральской тюрьме, но удивительным образом вернулся спустя всего два года, хотя и совсем больным. Многие тогда качали головами: «Зачем спас этого черта Сталина?» На что вардапет отвечал со смиренной улыбкой: «Человеческое дело спасать всех, кто в беде. А кого спасать, решаем не мы, но только Он, на небе».

Когда я пишу о советском периоде истории, меня не покидает дилемма спасения будущего Сталина. Найдём ли мы ответ с высоты сегодняшних знаний?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Агларов 1988 – *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

Алексеев, Сырейщикова 2009 – *Алексеев И.Л., Сырейщикова А.А.* Некоторые тенденции изучения наследия Ибн Халдуна в современной историографии // Вестник РГГУ. Серия "Востоковедение. Африканистика". – 2009. – № 13. – С. 195-218.

Ал-Карахи 1941 – *Ал-Карахи М.Т.* Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи: о дагестанских войнах в период Шамиля / Пер. с араб. А.М. Барабанова; предисл. акад. И.Ю. Крачковского. – Москва, Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1941. – 336 с.

Андерсон 2007 – *Андерсон П.* Переходы от Античности к феодализму / Пер. с англ., под ред. Д.Е. Фурмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 288 с.

Анчабадзе, Волкова 1990 – *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. – М.: Наука, 1990. – 269 с.

Аствацатурян 1996 – *Аствацатурян Э.Г.* Оружие народов Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 191 с.

Большаков 2000 – *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. I. Ислам в Аравии, 570-633 гг. 2-е изд. – М.: «Восточная литература», 2000. – 312 с.

Бродель 2002 – *Бродель Ф.* Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 1. Роль среды / Пер. с фр. Марк Юсим. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

Валлерстайн 2015/2016 – *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна: в 4 томах / Пер. с англ. и ред. Н. Проценко, А. Черняева. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015/2016.

Вебер 2011 – *Вебер М.* Феодализм, «сословное государство» и патримониализм / Пер. с нем. и комментарии А.Ю. Антоновского // Ойкумена. – 2011. – № 8. – С. 225-255.

Волков 2002 – *Волков В.* Силовое предпринимательство в России. – СПб.: «Летний сад», 2002. – 282 с.

Гордин 2000 – *Гордин Я.А.* Кавказ: земля и кровь. – СПб.: «Звезда», 2000. – 465 с.

Гордин 2012 – *Гордин Я.А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя: в 2 т. – СПб.: Вита Нова, 2012. – Т. 1. – 654 с.; – Т. 2. – 588 с.

Давидсон, Филатова 2010 – *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Россия и Южная Африка: Три века связей. – М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 330 с.

Дерлугьян 2010 – *Дерлугьян Г.М.* Адепт Бурдые на Кавказе: опыт миросистемной биографии. – М.: Территория будущего, 2010. – 558 с.

Дерлугьян 2016 – *Дерлугьян Г.М.* Исламизм и новый распад империй // Государство, религия, церковь. – 2016. – № 2. – С. 357-372. (Спецномер «Религия и общество на Кавказе»).

Дерлугьян 2017 – *Дерлугьян Г.М.* Советская революция, 1905-1945: Тезисы к первому столетию // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 6. – С. 60-80.

Джимов 1986 – *Джимов Б.М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. – Майкоп: Краснодарское книжное издательство: Адыгейское отделение, 1986. – 189 с.

Документы и материалы... 1955 – *Документы и материалы* к годовщине Первой русской революции в Юго-Осетии. – Сталинири: Госполитиздат, 1955.

Ергин 2011 – *Ергин Д.* Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М.: Альпина Паблишер, 2011. – 943 с.

Квинитазде 1985 – *Квинитазде Г.И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии, 1917-1921. – Paris: YMCA-press, 1985. – 471 с.

Коротаев и др. 2007 – *Коротаев А.В., Клименко В.В., Прусаков Д.Б.* Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст. – М.: ОГИ, 2007. – 109 с.

Кочевые империи... 2019 – *Кочевые империи* Евразии: особенности исторической динамики / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. – М.: Наука – Вост. лит., 2019. – 503 с.

Ладоха 1923 – *Ладоха Г.* Очерки гражданской борьбы на Кубани. – Краснодар: «Буревестник», 1923. – 122 с.

Лапин 2008 – *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: «Европейский дом», 2008. – 396 с.

Ливен А. 2019 – *Ливен А.* Чечня: Трагедия российской мощи / Пер. Н. Проценко. – М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2019. – 560 с.

Ливен Д. 2007 – *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. – М.: Изд-во «Европа», 2007. – 678 с.

МакНил 2004 – *МакНил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Пер. с англ. – Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. – 1064 с.

МакНил 2008 – *МакНил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках / Перевод с англ. полковника Т. Оганесяна, науч. ред. С.А. Нефедова. – М.: Территория будущего, 2008. – 454 с.

Манн 2016 – *Манн М.* Темная сторона демократии: объяснение этнических чисток. – М.: Пятый Рим, 2016. – 928 с.

Мацек 1954 – *Мацек Й.* Гуситское революционное движение. Пер. с чеш. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954. – 226 с.

Микульский 1998 – *Микульский Д.В.* Арабский Геродот / Отв. редактор Л.Ю. Сергиенко. – М.: Алетей, 1998. – 229 с.

Покровский 2000 – *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: РОССПЭН, 2000. – 584 с.

Политика памяти... 2020 – *Политика памяти* в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы / Под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2020. – 632 с.

Ратушняк 1989 – *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. – 251 с.

Скобцов 1962 – *Скобцов Д.* Три года революции и гражданской войны на Кубани. – Париж: б/изд., 1962. – 366 с.

Слезкин 2019 – *Слезкин Ю.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире. – М.: Издательство: Cognus, 2019. – 512 с.

Станюкович 1982 – *Станюкович К.М.* Максимка. – М.: Советская Россия, 1982. – 38 с.

Субботники 1901 – *Субботники (секта)* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907. – Т. 31а: Статика – Судостроительство. – СПб.: Типография Акц. Общ. «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1901. – С. 874-875.

Тлостанова 2020 – *Тлостанова М.* Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 1(161). – С. 66-84.

Хайдаров 2018 – *Хайдаров Т.Ф.* Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 303 с.

Цуциев 2007 – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 127 с.

Шайдель 2019 – *Шайдель В.* Великий уравниватель: насилие и история неравенства от каменного века до XXI столетия. – М.: АСТ, 2019. – 768 с.

Шнирельман 2003 – *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: Академкнига, 2003. – 591 с.

Эйдельман 1990 – *Эйдельман Н.Я.* «Быть может за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). – М.: Изд-во «Наука», 1990. – 316 с.

Ascherson 1995 – *Ascherson N.* Black Sea. – London: Jonathan Cape, 1995 – 306 p.

Baddeley 1908 – *Baddeley J.F.* The Russian Conquest of the Caucasus – London, New York, Bombay, Calcutta: Longmans, Green and Co., 1908 – IX, 518 p.

Beckwith 2009 – *Beckwith C.* Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2009. – XV, 472 p.

Bradley 1990 – *Bradley J.* Guns for the Tsar: American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1990. – XI, 274 p.

Bullough 2010 – *Bullough O.* Let Our Fame Be Great: Journeys Among the Defiant People of the Caucasus. – New York: Basic Books, 2010. – 496 p.

Caucasus Paradigms... 2007 – *Caucasus Paradigms: Anthropologies, Histories, and the Making of a World Area.* Ed. Bruce Grant and Lale Yalçın-Heckmann. Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. No. 13. – Münster: LIT Verlag, 2007. – 309 p.

Clarence-Smith 2003 – *Clarence-Smith W.G.* Islam and the Abolition of Slavery. – New York, NY: Oxford University Press, 2006. – XXVI, 293 p.

Cook 2015 (1994) – *Cook M.* Ancient Religions, Modern Politics: Islamic Case in Comparative Perspective. – Princeton: Princeton University Press, 2015. – XX, 541 p.

Crews 2009 – *Crews R.D.* For Prophet and the Tsar: Islam and Empires in Russia and Central Asia. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. – VIII, 463 p.

Darwin 2007 – *Darwin J.* After Tamerlane. The Global History of Empire. – London: Allen Lane, 2007. – 592 p.

de Waal 2003 – *de Waal T.* Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War. – New York: NYU Press, 2003. – XIII, 337 p.

de Waal 2010 – *de Waal T.* The Caucasus: An Introduction. – New York: Oxford University Press, 2010 – 272 p.

Earle 1997 – *Earle T.* How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. – Stanford: Stanford University Press, 1997. – 270 p.

Finkel 2014 – *Finkel I.* The Ark Before Noah: Decoding the Story of the Flood. – London: Hodder & Stoughton, 2014. – 352 p.

Finley 2002 (1954) – *Finley M.I.* The World of Odysseus. – New York: NYRB Classics, 2002. – 232 p.

Gambetta 1996 – *Gambetta D.* The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 335 p.

Gammer 2006 – *Gammer M.* The Lone Wolf and the Bear: Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh press, cop. 2006. – XVIII, 252 p.

Global economic... 2019 – *Global economic history / Tirthankar Roy and Giorgio Riello* (eds.). – London: Bloomsbury Academic, 2019. – VII, 370 p.

- Gould 2016 – *Gould R.* Writers and Rebels: The Literature of Insurgency in the Caucasus. – New Haven: Yale University Press, 2016. – IX, 336 p.
- Herlihy 1991 – *Herlihy P.* Odessa: A History, 1794-1914. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. – XVIII, 411 p.
- Holquist 2002 – *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. – IX, 359 p.
- Hopkirk 1992 – *Hopkirk P.* The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. – London: Kodansha International, 1992. – XXIV, 565 p.
- Jones 2005 – *Jones S.F.* Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social Democracy, 1883–1917. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. – XIV, 384 p.
- Kaldellis 2019 – *Kaldellis A.* Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019. – 392 p.
- Kazemzadeh 1951 – *Kazemzadeh F.* The Struggle for Transcaucasia, 1917-1921. – New York: Philosophical Library, 1951. – XIII, 356 p.
- Khodarkovsky 1992 – *Khodarkovsky M.* Where two worlds met: The Russian state and the Kalmyk nomads, 1600-1771. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1992. – XII, 278 p.
- Khodarkovsky 1994 – *Khodarkovsky M.* The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* – 1994. – Vol. 42. – No. 1. – P. 1-19.
- King 2008 – *King Ch.* The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. – New York: Oxford University Press, 2008. – XVIII, 291 p.
- Kollmann 2017 – *Kollmann N.S.* The Russian Empire 1450–1801. New York: Oxford University Press, 2017. – XII, 497 p.
- Kotkin 2007 – *Kotkin S.* Mongol Commonwealth? Exchange and Governance across the Post-Mongol Space. – *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* – June 2007. – Volume 8. – No. 3. – P. 487-531.
- Mars, Altman 1983 – *Mars G. and Altman Y.* The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy // *Soviet Studies.* – October 1983. – Vol. XXXV. – No. 4. – P. 546-560.
- Martin 2001 – *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. – XIII, 496 p.
- McNeill 1964 – *McNeill W.H.* Europe's Steppe Frontier, 1500–1800. – Chicago: University of Chicago Press, 1964. – 252 p.
- Osinsky 2019 – *Osinsky P.I.* The Nomadic Empires as State Formations // *Евразийство и мир.* – 2019. – No1. – P. 42-57.
- Pelkmans 2006 – *Pelkmans M.* Defending the Border: Identity, Religion, and Modernity in the Republic of Georgia. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. – XVI, 240 p.
- Politkovskaya 2003 – *Politkovskaya A.* A Small Corner of Hell: Dispatches from Chechnya / trans. Alexander Burry and Tatiana Tulchinsky; with an introduction by Georgi Derluguian. – Chicago; London: Univ. of Chicago press, 2003. – VI, 224 p.
- Preiser-Kapeller 2019 – *Preiser-Kapeller J.* «Small Kingdoms in a Big World: Patterns of Power in Early medieval South Armenia» // *Power in Landscape. Geographic and Digital Approaches on Historical Research* / ed. Mihailo St. Popović et al. – Leipzig: Eudora Verlag, 2019. – P. 107-119.
- Reynolds 2011 – *Reynolds M.A.* Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908-1918. – New York: Cambridge University Press, 2011 – XIV, 303 p.
- Rhineland 1990 – *Rhineland A.L.* Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990. – XIX, 279 p.
- Richmond 2013 – *Richmond W.* The Circassian Genocide. – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2013. – 218 p.
- Scheidel 2019 – *Scheidel W.* Escape from Rome: The Failure of Empire and the Road to Prosperity. (Princeton Economic History of the Western World). – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2019. – XX, 674 p.

- Scott 2009 – *Scott J.C.* The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. – New Haven: Yale University Press, 2009). – XVIII, 442 p.
- Serrano 2018 – *Serrano S.* Orthodoxie et politique en Géorgie postsoviétique. – Paris: Karthala, 2018. – 310 p.
- Suny 1972 – *Suny R.G.* Baku Commune, 1917-1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. – Princeton: Princeton University press, 1972. – XII, 412 p.
- Suny 1988 – *Suny R.G.* The Making of the Georgian Nation – London: Tauris, 1989. – XVIII, 395 p.
- Suny 1993 – *Suny R.G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. – XIX, 200 p.
- Swietochowski 1995 – *Swietochowski T.* Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. – New York: Columbia University Press, 1995. – X, 290 p.
- The North Caucasus... 1992 – *The North Caucasus* Barrier: Russia's Advance Towards the Muslim World / Abdurakhman Avtorkhanov and Marie Bennigsen Broxup, eds. – London: Hurst, 1992. – XVII, 252 p.
- The post-Soviet... 2016 – *The post-Soviet* industrial extinctions and the rise of jihadi terrorism as male gender role in the North Caucasus // Elgar Handbook of Alternative Theories of Economic Development / edited by Jayati Ghosh, Rainer Kattel, and Erik Reinert. – London: Elgar, 2016. – P. 729-737.
- Tilly 2006 – *Tilly Ch.* Why?: What Happens When People Give Reasons... And Why. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 224 p.
- Toumanoff 1971 – *Toumanoff C.* Caucasia and Byzantium // *Traditio*. – 1971. – Vol. 27. – P. 111-158.
- Tsutsiev 2014 – *Tsutsiev A.* Atlas of the Ethno-Political History of the Caucasus / trans. Nora Seligman Favorov. – New Haven: Yale University Press, 2014. – XV, 221 p.
- Tuğal 2017 – *Tuğal C.* Caring for the Poor: Islamic and Christian Benevolence in a Liberal World. – New York and London: Routledge, 2017. – XII, 246 p.
- Wang et al. 2019 – *Wang, C., Reinhold, S., Kalmykov, A. et al.* Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // *Nature Communications*. – 2019. – 10:590. – P. 1-13. DOI: [10.1038/s41467-018-08220-8](https://doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8)
- White 2011 – *White S.* The Climate of Rebellion in the Early Modern Ottoman Empire. – Cambridge University Press, 2011. – XVII, 352 p.
- Zelkina 2000 – *Zelkina A.* In Quest for God and Freedom: the Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. – London: Hurst, 2000. – XXIII, 265 p.

REFERENCES

- AGLAROV M.A. *Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v.* [Rural Community in Highland Dagestan in the 17th – early 19th Century]. – M.: Nauka, 1988. – 236 p. (In Russian)
- ALEKSEEV I.L., SYREISHCHIKOVA A.A. *Nekotorye tendentsii izucheniya naslediya Ibn Khalduna v sovremennoi istoriografii* [Some Trends in the Study of Ibn Khaldun's Heritage in Modern Historiography]. IN: *Vestnik RGGU. Seriya "Vostokovedenie. Afrikanistika"*. – 2009. – No. 13. – P. 195-218. (In Russian)
- AL-KARAKHI M.T. *Khronika Mukhammeda Takhira al-Karakhi: o dagestanskikh voynakh v period Shamilya / Per. s arab. A.M. Barabanova; predisl. akad. I.Yu. Krachkovskogo* [Mukhammed Takhir al-Karakhi's Chronicle: on Dagestani Wars in the Times of Shamil'. Translation from Arabic by A.M. Barabanov; preface by Acad. I.Yu. Krachkovsky]. – Moscow, Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1941. – 336 p. (In Russian)
- ANCHABADZE Yu.D., VOLKOVA N.G. *Staryi Tbilisi. Gorod i gorozhane v XIX veke* [Old Tbilisi. The City and City Dwellers in the 19th Century]. – M.: Nauka, 1990. – 269 p. (In Russian)

- ANDERSON P. *Perekhody ot Antichnosti k feodalizmu / Per. s ang. pod red. D.E. Furmana* [Passages from Antiquity to Feudalism. Translation from English, ed. D.E. Furman]. – M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2007. – 288 p. (In Russian)
- ASCHERSON N. *Black Sea*. – London: Jonathan Cape, 1995 – 306 p. (In English)
- ASTVATSATURYAN E.G. *Oruzhie narodov Kavkaza* [The Weapons of the Caucasus Peoples]. – Nalchik: El'-Fa, 1996. – 191 p. (In Russian)
- BADDELEY J.F. *The Russian Conquest of the Caucasus* – London, New York, Bombay, Calcutta: Longmans, Green and Co., 1908 – IX, 518 p. (In English)
- BECKWITH C. *Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age*. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2009. – XV, 472 p. (In English)
- BOL'SHAKOV O.G. *Istoriya Khalifata. Vol. I. Islam v Aravii, 570-633 gg.* [History of the Caliphate. Vol. I. Islam in Arabia, 570-633]. – M.: «Vostochnaya literatura», 2000. – 312 p. (In Russian)
- BRADLEY J. *Guns for the Tsar: American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia*. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 1990. – XI, 274 p. (In English)
- BRAUDEL F. *Sredizemnomor'e i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II. Chast' 1. Rol' sredi / Per. s fr. Mark Yusim* [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Part 1. The Role of the Environment. Transl. from fr. Mark Yusim]. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. – 496 p. (In Russian)
- BULLOUGH O. *Let Our Fame Be Great: Journeys Among the Defiant People of the Caucasus*. – New York: Basic Books, 2010. – 496 p. (In English)
- Caucasus Paradigms: Anthropologies, Histories, and the Making of a World Area*. Ed. Bruce Grant and Lale Yalçın-Heckmann. *Halle Studies in the Anthropology of Eurasia*. No. 13. – Münster: LIT Verlag, 2007. – 309 p. (In English)
- CLARENCE-SMITH W.G. *Islam and the Abolition of Slavery*. – New York, NY: Oxford University Press, 2006. – XXVI, 293 p. (In English)
- COOK M. *Ancient Religions, Modern Politics: Islamic Case in Comparative Perspective*. – Princeton: Princeton University Press, 2015. – XX, 541 p. (In English)
- CREWS R.D. *For Prophet and the Tsar: Islam and Empires in Russia and Central Asia*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. – VIII, 463 p. (In English)
- DARWIN J. *After Tamerlane. The Global History of Empire*. – London: Allen Lane, 2007. – 592 p. (In English)
- DAVIDSON A.B., FILATOVA I.I. *Rossiya i Yuzhnaya Afrika: Tri veka svyazei* [Russia and South Africa: Three Centuries of Relations]. – M.: Izdat. dom GU-VShE, 2010. – 330 p. (In Russian)
- DE WAAL T. *Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War*. – New York: NYU Press, 2003. – XIII, 337 p. (In English)
- DE WAAL T. *The Caucasus: An Introduction*. – New York: Oxford University Press, 20107 – 272 p. (In English)
- DERLUGUIAN G.M. *Adept Burd'e na Kavkaze: opyt mirosistemnoi biografii* [Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus. A World-System Biography]. – M.: Territoriya budushchego, 2010. – 558 p. (In Russian)
- DERLUGUIAN G.M. *Islamizm i novyi raspad imperii* [Islamism and the New Disintegration of Empires]. IN: *Gosudarstvo, religiya, tserkov'*. – 2016. – No. 2. – P. 357-372. (Special issue "Religion and Society in the Caucasus"). (In Russian)
- DERLUGUIAN G.M. *Sovetskaya revolyutsiya, 1905-1945: Tezisy k pervomu stoletiyu* [The Soviet Revolution, 1905-1945: Theses to the First Centenary]. IN: *Neprikosnovennyyi zapas*. – 2017. – No. 6. – P. 60-80. (In Russian)
- Dokumenty i materialy k godovshchine Pervoi russkoi revolyutsii v Yugo-Osetii* [Documents and Materials to the Anniversary of the First Russian Revolution in South Ossetia]. – Staliniri: Gospolitizdat, 1955. (In Russian)

- DZHIMOV B.M. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie adygov v XIX v.* [Socio-economic and Political Condition of Adyghe in the 19th Century]. – Maikop: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo: Adygeiskoe otdelenie, 1986. – 189 p. (In Russian)
- EARLE T. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory.* – Stanford: Stanford University Press, 1997. – 270 p. (In English)
- EIDELMAN N.Ya. «Byt' mozhet za khrebtom Kavkaza...» (Russkaya literatura i obshchestvennaya mysl' pervoi poloviny XIX v. Kavkazskii kontekst) [“Maybe behind the ridge of the Caucasus ...” (Russian literature and social thought of the first half of the 19th century. Caucasian context)]. – M.: Izd-vo «Nauka», 1990. – 316 p. (In Russian)
- ERGIN D. *Dobycha: Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'* [The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power]. – M.: Al'pina Pabliher, 2011. – 943 p. (In Russian)
- FINKEL I. *The Ark Before Noah: Decoding the Story of the Flood.* – London: Hodder & Stoughton, 2014. – 352 p. (In English)
- FINLEY M.I. *The World of Odysseus.* – New York: NYRB Classics, 2002. – 232 p. (In English)
- GAMBETTA D. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 335 p. (In English)
- GAMMER M. *The Lone Wolf and the Bear: Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule.* – Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh press, cop. 2006. – XVIII, 252 p. (In English)
- Global economic history / Tirthankar Roy and Giorgio Riello (eds.).* – London: Bloomsbury Academic, 2019. – VII, 370 p. (In English)
- GORDIN Ya.A. *Aleksei Ermolov. Soldat i ego imperiya: v 2 t.* [Aleksei Ermolov. A Soldier and his Empire: in 2 vols.]. – SPb.: Vita Nova, 2012. – Vol. 1. – 654 p.; – Vol. 2. – 588 p. (In Russian)
- GORDIN Ya.A. *Kavkaz: zemlya i krov'* [Caucasus: the Land and the Blood]. – SPb.: «Zvezda», 2000. – 465 p. (In Russian)
- GOULD R. *Writers and Rebels: The Literature of Insurgency in the Caucasus.* – New Haven: Yale University Press, 2016. – IX, 336 p. (In English)
- HERLIHY P. *Odessa: A History, 1794-1914.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. – XVIII, 411 p. (In English)
- HOLQUIST P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. – IX, 359 p. (In English)
- HOPKIRK P. *The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia.* – London: Kodansha International, 1992. – XXIV, 565 p. (In English)
- JONES S.F. *Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social Democracy, 1883-1917.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. – XIV, 384 p. (In English)
- KALDELLIS A. *Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019. – 392 p. (In English)
- KAZEMZADEH F. *The Struggle for Transcaucasia, 1917-1921.* – New York: Philosophical Library, 1951. – XIII, 356 p. (In English)
- KHAIDAROV T.F. *Epokha «Chernoi smerti» v Zolotoi Orde i prilegayushchikh regionakh (konets XIII – pervaya polovina XV vv.)* [The era of the "Black Death" in the Golden Horde and surrounding regions (late 13th – first half of the 15th centuries)]. – Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. – 303 p. (In Russian)
- KHODARKOVSKY M. *The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"?* IN: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* – 1994. – Vol. 42. – No. 1. – P. 1-19. (In English)
- KHODARKOVSKY M. *Where two worlds met: The Russian state and the Kalmyk nomads, 1600-1771.* – Ithaca; London: Cornell University Press, 1992. – XII, 278 p. (In English)
- KING Ch. *The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus.* – New York: Oxford University Press, 2008. – XVIII, 291 p. (In English)

Kochevye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoi dinamiki / Otv. red. B.V. Bazarov, N.N. Kradin [Nomadic Empires of Eurasia: features of historical dynamics. B.V. Bazarov, N.N. Kradin eds.]. – M.: Nauka – Vost. lit., 2019. – 503 p. (In Russian)

KOLLMANN N.S. The Russian Empire 1450–1801. New York: Oxford University Press, 2017. – XII, 497 p. (In English)

KOROTAEV A.V., KLIMENKO V.V., PRUSAKOV D.B. *Vozniknovenie islama: Sotsial'no-ekologicheskii i politiko-antropologicheskii kontekst* [Origins of Islam: Socio-ecological and Politic-anthropological Context]. – M.: OGI, 2007. – 109 p. (In Russian)

KOTKIN S. Mongol Commonwealth? Exchange and Governance across the Post-Mongol Space. – *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – June 2007. – Volume 8. – No. 3. – P. 487-531. (In English)

KVINITAZDE G.I. *Moi vospominaniya v gody nezavisimosti Gruzii, 1917-1921* [My Memories in the Years of Georgia's Independence]. – Paris: YMCA-press, 1985. – 471 p. (In Russian)

LADOKHA G. *Ocherki grazhdanskoi bor'by na Kubani* [Sketches of Civil Strife in the Kuban]. – Krasnodar: «Burevestnik», 1923. – 122 p. (In Russian)

LAPIN V.V. *Armiiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII-XIX vv.* [Russia's Army in the Caucasian War of the 18th -19th Centuries]. – SPb.: «Evropeiskii dom», 2008. – 396 p. (In Russian)

LIVEN A. *Chechnya: Tragediya rossiiskoi moshchi / Per. N. Protsenko* [Chechnya: Tombstone of Russian Power. Transl. by N. Protsenko]. – M.: Izd-vo Universiteta Dmitriya Pozharskogo, 2019. – 560 p. (In Russian)

LIVEN D. *Rossiiskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashikh dnei / Per. s angl. A. Kozlika, A. Platonova* [The Russian Empire and its rivals from the sixteenth century to the present. Transl. from English A. Kozlik, A. Platonov]. – M.: Izd-vo «Evropa», 2007. – 678 p. (In Russian)

MACEK J. *Gusitskoe revolyutsionnoe dvizhenie. Per. s chesh.* [Hussite Revolutionary Movement. Transl. from Czech]. – M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1954. – 226 p. (In Russian)

MANN M. *Temnaya storona demokratii: ob"yasnenie etnicheskikh chistok* [The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing]. – M.: Pyaty Rim, 2016. – 928 p. (In Russian)

MARS G. AND ALTMAN Y. The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy. IN: *Soviet Studies*. – October 1983. – Vol. XXXV. – No. 4. – P. 546-560. (In English)

MARTIN T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. – XIII, 496 p. (In English)

McNEILL W. *V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI-XX vekakh / Perevod s angl. polkovnika T. Oganesyana, nauch. red. S.A. Nefedova* [The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000. Transl. from Engl. Colonel T. Oganesyana, scientific ed. S.A. Nefedova]. – M.: Territoriya budushchego, 2008. – 454 p. (In Russian)

McNEILL W. *Voskhozhdenie Zapada. Istoriya chelovecheskogo soobshchestva. Per. s angl.* [The Rise of the West. A History of the Human Community. Transl. from Engl.]. – Kiev: Nika-Tsentr; M.: Starklait, 2004. – 1064 p. (In Russian)

McNEILL W.H. *Europe's Steppe Frontier, 1500-1800*. – Chicago: University of Chicago Press, 1964. – 252 p. (In English)

MIKULSKY D.V. *Arabskii Gerodot / Otv. redaktor L.Yu. Sergienko* [The Arab Herodotus. L.Yu. Sergienko ed.]. – M.: Aleteia, 1998. – 229 p. (In Russian)

OSINSKY P.I. The Nomadic Empires as State Formations. IN: *Evraziistvo i mir*. – 2019. – No. 1. – P. 42-57. (In English)

PELKMANS M. *Defending the Border: Identity, Religion, and Modernity in the Republic of Georgia*. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. – XVI, 240 p. (In English)

POKROVSKY N.I. *Kavkazskie voiny i imamat Shamilya* [The Caucasus Wars and the Imamate of Shamil']. – M.: ROSSPEN, 2000. – 584 p. (In Russian)

Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy / Pod red. A.I. Millera i D.V. Efremenko [The Politics of Memory in Contemporary

- Russia and in Countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives. Ed. by A.I. Miller and D.V. Efremenko]. – SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2020. – 632 p. (In Russian)
- POLITKOVSKAYA A. A Small Corner of Hell: Dispatches from Chechnya / trans. Alexander Burry and Tatiana Tulchinsky; with an introduction by Georgi Derluguian. – Chicago; London: Univ. of Chicago press, 2003. – VI, 224 p. (In English)
- PREISER-KAPELLER J. «Small Kingdoms in a Big World: Patterns of Power in Early medieval South Armenia». IN: Power in Landscape. Geographic and Digital Approaches on Historical Research / ed. Mihailo St. Popović et al. – Leipzig: Eudora Verlag, 2019. – P. 107-119. (In English)
- RATUSHNYAK V.N. *Sel'skokhozyaistvennoe proizvodstvo Severnogo Kavkaza v kontse XIX – nachale XX veka* [Agricultural Production of the North Caucasus in the late 19th – early 20th century]. – Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1989. – 251 p. (In Russian)
- REYNOLDS M.A. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908-1918. – New York: Cambridge University Press, 2011 – XIV, 303 p. (In English)
- RHINELANDER A.L. Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990. – XIX, 279 p. (In English)
- RICHMOND W. The Circassian Genocide. – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2013. – 218 p. (In English)
- SCHEIDEL W. Escape from Rome: The Failure of Empire and the Road to Prosperity. (Princeton Economic History of the Western World). – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2019. – XX, 674 p. (In English)
- SCHEIDEL W. *Velikii uravnitel': nasilie i istoriya neravenstva ot kamennogo veka do XXI stoletiya* [The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century]. – M.: AST, 2019. – 768 p. (In Russian)
- SCOTT J.C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. – New Haven: Yale University Press, 2009). – XVIII, 442 p. (In English)
- SERRANO S. Orthodoxie et politique en Géorgie postsoviétique. – Paris: Karthala, 2018. – 310 p. (In French)
- SHNIRELMAN V.A. *Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Wars of Memory: myths, identity and politics in Transcaucasia]. – M.: Akademkniga, 2003. – 591 p. (In Russian)
- SKOBTISOV D. *Tri goda revolyutsii i grazhdanskoi voiny na Kubani* [Three years of Revolution and Civil War in the Kuban]. – Paris: w.p., 1962. – 366 p. (In Russian)
- SLEZKIN Yu. *Era Mercuriya: Evrei v sovremennom mire* [Era of Mercury: Jews in the Modern World]. – M.: Izdatel'stvo: Corpus, 2019. – 512 p. (In Russian)
- STANYUKOVICH K.M. *Maksimka* [Maksimka]. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1982. – 38 p. (In Russian)
- Subbotniki (sekta)* [Sabbath Worshipers]. IN: *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. – Sankt-Petersburg: F.A. Brockhaus, I.A. Efron, 1890-1907. – Vol. 31a: *Statika – Sudoustroistvo*. – SPb.: Tipografiya Akts. Obshch. «Izdatel'skoe delo», Brokgauz-Efron, 1901. – P. 874-875. (In Russian)
- SUNY R.G. Baku Commune, 1917-1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. – Princeton: Princeton University press, 1972. – XII, 412 p. (In English)
- SUNY R.G. The Making of the Georgian Nation – London: Tauris, 1989. – XVIII, 395 p. (In English)
- SUNY R.G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. – XIX, 200 p. (In English)
- SWIETOCHOWSKI T. Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. – New York: Columbia University Press, 1995. – X, 290 p. (In English)
- The North Caucasus Barrier: Russia's Advance Towards the Muslim World / Abdurakhman Avtorkhanov and Marie Bennigsen Broxup, eds. – London: Hurst, 1992. – XVII, 252 p. (In English)

The post-Soviet industrial extinctions and the rise of jihadi terrorism as male gender role in the North Caucasus. IN: Elgar Handbook of Alternative Theories of Economic Development / edited by Jayati Ghosh, Rainer Kattel, and Erik Reinert. – London: Elgar, 2016. – P. 729-737. (In English)

TILLY Ch. Why?: What Happens When People Give Reasons... And Why. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 224 p. (In English)

TLOSTANOVA M. *Postkolonial'nyi udel i dekolonial'nyi vybor: postsotsialisticheskaya mediatsiya* [The Postcolonial Condition and the Decolonial Option: a Postsocialist Mediation]. IN: *Novoe literaturnoe obozrenie*. – 2020. – No. 1(161). – P. 66-84. (In Russian)

TOUMANOFF C. Caucasia and Byzantium. IN: *Traditio*. – 1971. – Vol. 27. – P. 111-158. (In English)

TSUTSIEV A. Atlas of the Ethno-Political History of the Caucasus / trans. Nora Seligman Favorov. – New Haven: Yale University Press, 2014. – XV, 221 p. (In English)

TSUTSIEV A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza* [Atlas of the Ethno-Political History of the Caucasus]. – M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2007. – 127 p. (In Russian)

TUĞAL C. Caring for the Poor: Islamic and Christian Benevolence in a Liberal World. – New York and London: Routledge, 2017. – XII, 246 p. (In English)

VOLKOV V. *Silovoe predprinimatel'stvo v Rossii* [Violent Entrepreneurship in Russia]. – SPb.: «Letnii sad», 2002. – 282 p. (In Russian)

WALLERSTEIN I. *Mir-sistema Moderna: v 4 tomakh / Per. s angl. i red. N. Protsenko, A. Chernyaeva* [The Modern World-System. Vols. I-IV. Transl. from English and ed. N. Protsenko, A. Chernyaeva]. – M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2015/2016. (In Russian)

WANG, C., REINHOLD, S., KALMYKOV, A. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. IN: *Nature Communications*. – 2019. – 10:590. – P. 1-13. DOI: 10.1038/s41467-018-08220-8 (In English)

WEBER M. *Feodalizm, «soslovnnoe gosudarstvo» i patrimonializm / Per. s nem. i kommentarii A.Yu. Antonovskogo* [Feudalism, 'Estate State' and Patrimonialism. Translation from German and commentaries of A.Yu. Antonovskij]. IN: *Oikumena*. – 2011. – No. 8. – P. 225-255. (In Russian)

WHITE S. The Climate of Rebellion in the Early Modern Ottoman Empire. – Cambridge University Press, 2011. – XVII, 352 p. (In English)

ZELKINA A. In Quest for God and Freedom: the Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. – London: Hurst, 2000. – XXIII, 265 p. (In English)